

18+

Томические
стихотворения

ЯКОВ ЕСЕПКИН

КОСМОПОЛИС
АРХАИКИ

Яков Есепкин

**Космополис архаики.
Готические стихотворения**

«Издательские решения»

Есепкин Я.

Космополис архаики. Готические стихотворения / Я. Есепкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-606686-1

На рубеже веков «Космополис архаики» обрел негласный статус последней великой русскоязычной книги. Масштаб эсхатологических картин, совершенство письма, его метафоричность, символика образов ставят произведение нашего современника в один ряд с выдающимися литературными памятниками разных эпох. По сути «Космополис архаики» представляет собой элитарную художественную энциклопедию всемирного интеллектуализма. В России книга ранее не издавалась.

ISBN 978-5-00-606686-1

© Есепкин Я.
© Издательские решения

Содержание

Катарсис	9
#	12
I.I. Мелос	13
«Только пепел превыше золы...»	13
Трилистник чаяния	14
«К престолу Вседержителя венки...»	16
«Мы и мертвые будем во злате гореть...»	18
Мелос	19
«Как цвели мы, Господь, во разорном саду...»	24
По направлению к югу	25
«Когда с небес пасхальная вода...»	26
«Мы царствие Божие тщились прейти...»	27
Первый архаический триптих	28
«Прожженные последним поцелуем...»	30
«Есть за сретенье десная плата...»	32
«Вернут ли нас в Крым, к виноградникам в темном огне...»	33
«Исчезнут ночные химеры...»	35
Готический микророман	36
«Захочешь крови голубой...»	37
«Звон лиется, и темен Господний порог...»	38
«Во десницах сквозь вечность несут...»	39
«Нас чужими рекли именами...»	41
Архаические опусы	42
Соц-хоругвь	43
«Погаснут свечи золотые...»	44
«Гексаметры эти не снились нам с давних времен...»	45
«Белый снег во субботу летит...»	47
Публичная библиотека	48
«Не изжить нашу синь темнотою...»	51
«Во цвете лет умершей дочери...»	52
«Мы расстались, но, Боже, доныне...»	53
В поезде	55
Первый архаический этюд	56
«Помимо снега, врезанного в рунь...»	57
«Мы, Господь, истомились в пути...»	62
Поток света	63
«То ли кровь, то ль воскресный тернец...»	65
«Нас предали, не вымолвить измену...»	66
«Это мы, это мы вопием...»	67
Лед нефрита	68
«Как юродивый правду речет...»	70
«Мы одни правоверно служили...»	72
Архаические опусы	73
«Под наперстками иглы вонзает в рядно...»	74
«Жертвенною кровью иноков святили...»	76
Из Демоса	77

«Как высоко Господние эти скрижали...»	82
«Нас ничто уже не помрачит...»	83
«Мы ко Господу позднюю ночью придем...»	85
Канцтовары	86
«Во червонных пухах ангелочки блестят...»	93
Видение Леты	94
Второй архаический этюд	96
«Сладко иродам гробы сквернить...»	97
«Отзвучали псалмы, лишь тяжелая лира...»	98
«Из огня голубого кроюсь...»	99
«Не мучителям звезды с небес доставать...»	101
Фотопантеон	102
«В ледяной отраженный воде...»	104
«Не горит черный снег и в притворах темно...»	105
«Кто назначал свидания во снах...»	106
«Мы, Господь, о всенощной влачили...»	108
Черное веселье	109
«Как упасти нельзя одесных...»	110
Тоска	111
Архаические опусы	113
«Преломятся пустые огни...»	114
«Мы славу небесному пели Царю...»	115
«Рассчитавшись последней и страшной ценой...»	116
«Ах, нету ни могилки, ни креста...»	117
Кора	118
«В серебре ангелочки начнут голосить...»	120
«Как ударим в Господний порог...»	121
На твоей орбите	122
«Образный только свет нас призовет...»	124
Третий архаический этюд	127
Ботанический накат	128
Стена	129
«Нощный огонь во сребристый оклад перейдет...»	130
«Твои волосы в темном огне...»	131
«Поелику, Господь, пированье гудит...»	133
«И легко ль перед смертью свои именины...»	134
Архаические опусы	135
«Травинки горние завянут...»	136
«Только заповедь молчанья...»	137
«Слезам изольется мор-трава...»	139
Пастель	140
«Нам явится Христос невенечный...»	145
«Вторник, Господе свят, встретить некого нам...»	146
«Огонь тепличных цветов, сих карминовых залов уют...»	147
«Хватит злати пустым очесам...»	149
«Зачем долокопы готовят могилу...»	150
Четвертый архаический этюд	151
«Как страстная неделя темна...»	152
«Изъявляется сын чрез томительный мрак...»	153

«Летают Божии голубки...»	154
«Много ль трчено слез на последний псалом...»	155
Ноябрь, 1980	156
«Престанут рубища сочиться...»	157
«Повенчавшись со мраком пустым...»	158
«Изогались волхвы и не видят Звезду...»	160
«Иль не Божия днесь лепота...»	161
«Как ромашки тяжелые в снег упадут...»	162
«Любить и мертвые умеют...»	163
«Господь, отслужат литии по нам...»	164
«Приумолкнут кукушки в зеленях нагорных...»	165
«Пойдем на Патриаршие пруды...»	166
I. II. Пурпур	168
«Четверг избыл и узы сентября...»	168
«Мы хотели во злате одесном...»	171
Толкование праздника	172
«Мертвым нечего Богу дарить...»	178
«Только пурпур любили мы в смуте мирской...»	179
«Созвездий рассыпаются колье...»	180
«От седмицы до черной недели...»	182
Эринии в августовском саду	183
«Высока твердь, но мало света...»	185
Второй архаический триптих	186
«Горят ромашки золотые...»	188
«Возбранят как рыдать, побезмолвствуешь всласть...»	189
«Вновь темно, а и мы не горим...»	190
Концерт в записи	191
«Огни будут ровно клониться...»	193
«А собиты давно и ночные певцы...»	194
«Прекричат о любви живые...»	195
«Что еще у Царя-сироты испросить...»	196
Памятник	197
Архаические опусы	199
«Уроним яхонты во снеги...»	200
«Во зеркале истаяли темные свечи...»	201
«А и к Господу мы повлачилиь напрасно с тобою...»	202
«Убийцам не снесть этих свечек...»	203
«Нас губители во сновиденьях настигнут...»	204
«Гвоздей не станется кровавых...»	205
«Давай в Его поправим волосах...»	206
«За то – со тернием ходили...»	207
Тупик	208
Пятый архаический этюд	210
«Не отнимут у мертвых цветов...»	211
Дубль	212
«Во зеркале, Господь, золотом предстоим...»	214
«На пире смертушка гуляла...»	215
«Как завидим коней под звенящей дугой...»	216
«Где пророки в гробах возлежат...»	217

«С белой лилией сумрак мирится...»	219
«Колье тебе дарствовал Бог...»	220
Летят ангелы, летят демоны	221
Архаические опусы	223
«И свечи в патине червонной...»	224
«Как распишемся в смерть и лоскут...»	225
«Кровью мы истекли, но остались чисты...»	226
«Во какой же душа пребывала извечной юдоли...»	227
«Да, теперь я свободен, – промолвил Христос...»	228
«Возложи мне на вежды венки...»	229
Конец ознакомительного фрагмента.	230

Космополис архаики Готические стихотворения

Яков Есепкин

Литературно-художественное издание

Корректор Марина Бельская

Корректор Юлия Летникова

© Яков Есепкин, 2023

ISBN 978-5-0060-6686-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Катарсис Репрография

I

Рек слово Агамемнон, зарыдал,
Разбил золотоструйный кубок о стол,
Тогда и речь свою он не узнал,
И ссребрился Иакове-апостол.

На яствах кольца змей позапеклись.
Не хватит просфиры и для келейных,
Видь, розочки червовые сплелись
На чермных полотенцах юбилейных.

Распятие поправший Иисус
Явился из темничного подвала,
Волошковый венец усеял гнус,
Сквозь черен каждый змейка проползала.

И разве не ко Господу леса
Дощатые чрез очи возвивались,
И разве не теряли голоса,
Во вретищах цари не предавались?

В лазоревой протлели купине
Юродивые, ставшие изветом.
Пусть ночью возрыдают обо мне
Муравушка-плакун со гориццветом.

Зело пустое ль небо точит пляс
Цесарок над умолкшей окариной,
Плач мира сердце славское потряс,
Гортань ожгло погостной крестовиной.

Замкнул сон вежд тяжелых навсегда
Соль слез и юровые небосклоны,
Меж уст сиротских мертвая вода
Стоит, сребрясь пред ликом Персефоны.

Пред ней кровавокудрый лицеист
И достохвальный Дант, в жемчужной течи
Кружится имманентный сребролист,
Не воскрешая и загробной речи.

Огромный, чернорадужный букет,

Как в кактусе, в душе навек раскрылся,
Но вырвался один цветок на свет,
Ночным огнем он тотчас осветился.

Возлюбленные чада отпоют
Призорам христародно славословья,
Им венчики точащие скуют
Апостольские темные сословья.

Ах, краски смерть размыла до костей,
Хранимы ли слова эдемской силой,
И Господь сам не ведал сих страстей,
Склоняясь над сыновнею могилой.

Смотри, за Богом гончие летят,
Волочатся вослед им живодеры,
У смертушки из персти всё хотят
Достати четверговые поборы.

Замученные крики приглушив,
Из твердых гробов молча мы вставали
И ангельский лелеяли пошив,
И каверные чарки выпивали.

Родные воздымали на Звезду
Слезами изукрашенные лики,
И Боже в самом нищенском роду
Изыскивал всецарские языки.

II

Я к зеркалу боялся перед смертью
Приблизиться: тогда бы мертвый взор,
Мираж разъяв, золоченною твердью
Прожег очей живых огнеупор.

Червлены ль эти гробные веревки,
Черны ль, зеркало-брутто их взовьет,
Елико смерти нашей полукровки
Алкают, аще в серебре киот.

И чем утешить призраку живущих,
Удел его – молчание, печать
Для уст, к небесным царствиям зовущих,
Готова, стоит истинно молчать.

Нам ангелы Господние ни слова
Здесь молвить не велят, молчи, пиит,
Пусть жизни лихосорная полова

Над лотосами царственно горит.

Пускай одни алеющие маки
Апостолы взирают, невода
Полные выбирая, нежат зраки,
Богата рыбой мертвая вода.

Рыбачить здесь и можно, а притронный
Коллегиум божественных теней
Решит, кому речи, кому уронный
Рейнвейн алкать и красных ждать коней.

Живым одне лишь мраморники, зренье
Их слабо, разве гений отличить
Способен адоцветное горенье
И столпников бессмертью научить.

Нельзя венец терновием упрочить,
Молчи, молчи, доколе сам живой
И в мертвых только значен, муз порочить
К чему, нам возместят Эдем с лихвой.

Тот контур, уголь чернивший ломким светом,
Годами отражался, вообще
Чтоб не пропасть, чтоб зреть на свете этом
Сосуд Пандоры в лазерном луче.

#
I. Мелос
(Рифмы того света)

I.I. Мелос

«Только пепел превыше золы...»

Только пепел превыше золы,
В нети нас позовут отобедать,
Хлебоимно содвинут столы —
Царских яств должно всяку отведасть.

Бледноогненной солью рядом
Изукрасив, орут зазывалы,
В наших веждах высотных давно
Отражаются разве подвалы.

Ничего боле не ужаснет,
Чем сие до костей пробиранье.
Кровь гнилая вотще полоснет
В многослезное это собрание.

Скорбь убийц по иным временам
Потушили, иначе с чего бы
Стали дарствовать столпники нам
Во десницах спирт ангельской пробы.

Не сыскать воям жалкой родни,
Ратных маршей не помнят музыки,
И те слезы – ты их не храни,
Затекут пусть в червовые лики.

Трилистник чаяния

I

Аз, Господе, реку со черных домовин,
Гробов ночных, иным достались благокрасны,
Эти агнцы не ждут-заждались окарин,
Им и трубы Твое, и псалмы немогласны.

Все склоняется тать над испрахшей сумой,
Иль неможно доднесь и любви низринуть
Бледных перстов жалких, в юродие немой
Удушавших царей, серебро юдам откинуть.

Были перси белы у безмужних невест,
А теперь и уста до костей пробелели,
Оглянися, Отец, нету ныне окрест
Ни живых, ни мертвых, посвященных во Лели.

Ах, над нами зажгли юровую Звезду,
Пусть лучом воспронзит некупельные лета,
Их ложесен и усн опознай череду,
Нищих татей, оне достойны извета.

Те ж к Тебе, Господь свят, пировати пришли
Бойны чада, отвек изалкавшие жажды,
Ангелы Твои что копия занесли —
Не убить, не убить преугодников дважды.

II

Как свилися вольно змеи в райских цветках,
Прежде в царствии грез немятежно блажили,
Только ныне молчим, пряча персть в рушниках,
Правда, святой Господь, а ведь мы и не жили.

Богородицы лик украсили Звездой,
Сон-цветочки вия по сребристом окладе,
Нету ангелов здесь и поят нас водой,
Ах, из мертвых криниц занесли ее, чаде.

Иисус почернел и не имеет венец,
И Его голова преклоняется нице,
Узреть что восхотел двоеперстный Отец,
Мало ль крови течет в неборозной кринице.

Смертоприсный венок мы Христосу плели,
Исплели изо слез, тяжело траченных кровью,

А и боле ничем не посмели-могли
Притолити в миру жажду бойных любовью.

В каждой розе сидит гробовая змея,
И не видим уже мы ни Бога, ни Сына,
То ли алчут оне, то ли мука сия
Должна гробно зиять до святого почина.

III

Это иноки днесь подошли ко столам,
Страстотерпцы одне и невинники сиры,
Их неможно забыть копьевым ангелам,
Коль не пьют мертвых вин – отдавайте им лиры.

Не боятся огня восковые шары,
А на перстах у нас кровь и слезы срамные,
Велико Рождество ан для всех мишуры
Не хватает, Христос, где ягняты гробные.

Геть днепровской волной в черной пене дышать,
Кровь худу изливать на местечек сувой,
Розы-девки, равно станут вас воскрешать,
Так скидайте рядны пред всетаинством хвои.

Тех ли ждали в чаду, мы, Господе, пришли,
Залетели птушцы в обветшалые сени,
Али тонкий нам знак до Звезды подали,
Во трапезной же мы преклонили колени.

Ничего не узрим на вечере Твоей,
Пусть сочельник лиет в мессы ношнные снеги,
Мы до маковки все унизаны лишь ей,
Искрим – белы птенцы в огне Божией неги.

«К престолу Вседержителя венки...»

К престолу Вседержителя венки
Возложим и оденемся в ливреи,
И кровию отмоем рушники,
Подаренные нам на юбилеи.

Мы станем падшим ангелам служить,
Исполним на века предназначенье,
В лакейских и кладовках будем жить
И там внимать Господнее реченье.

Любовью расплатились по счетам
И заняли холопам щедрой славы.
Ко тратным неотбеленным холстам
Днесь выйдем – всеземны и величавы.

И вот они, иные времена,
Пророчествуют жалкие калики.
Высокие забыты имена.
Во плесени купаются владыки.

Привнесена во храмины хула,
Слезам позалили злато-струны,
Убийц от поминального стола
Не оторвать и силою коммуны.

Пал Китеж-град, в Арзрум и Эривань
Лишь стража тьмы приличественно входит.
Персты на пересылках не порань,
Пусть под столами яства знать находит.

Где крест наш и венец – в золе они,
Сверкают разве адские цесарки,
Губители холодные одни
По кругу погребному водят чарки.

Алмазы это жалкое питье
Наружу исторгнет, а мы их бросим,
Трапезничайте, ироды, жнивье
Гортензии завьют, ужо искосим.

А косы наши острые давно
Свивает золотушная терница,
Любили чернозвездное вино:
Так будет вам вельможная темница.

На раменах у нас кресты лежат,
Иль снять сии горящие распятия,
Кривицкий василек елику сжат,
Искритесь, херувимские объятъя.

Сколь чарки соалмазные мелки
И чашечный фаянс августом значен,
К трапезным ледоносные цветки
Снесем, хоть каждый пламенем охвачен.

Не дичи ли у августа просить,
Мы были в мире нищими царями,
Начнут по венценосным голосить,
Синицы всех отыщут за морями.

Когда величье эра узнает
И ангелы над безднами летают,
Лишь царственный юродивый не пьет,
Кашеи золотые лишь считают.

Алмазы не к вину, а ко венцам,
Идут они высокому сословью,
Бесплодным небожемчугов ловцам
За них не рассчитаться даже кровью.

Жемчужную сукровицу Звезда
Пресветит двоелучием холодным
И патина зеркальная тогда
Отпустится эпохой нищеродным.

Нас только смерть поднимет на щиты
И завернет в холстинные знамена,
И к высям – во бесславие тщеты —
Мы взденем перебитые рамена.

«Мы и мертвые будем во злате гореть...»

Мы и мертвые будем во злате гореть,
Погасить ли святые огни,
Голубки залетят, а и нам умереть
Невсебранно в Христовой тени.

Разольется великая мгла на дворах,
Только мы и пребудем светлы,
Страшно это мытарство о черных юрах,
Где сребрение тягостней мглы.

Диаманты нам бросят и цвет-васильки,
И увидит Господь со Креста,
Как мы истемна желтые вьем лепестки,
Наша смерть золота, золота.

Мелос Черная суббота

I

Пока еще земная длится мука,
В седой воде горит реальный свод,
У жизни есть надмирная порука,
Которую ничто не разорвет.

И к вьющемуся золоту простора
Сквозь требник черноблочной пустоты
Сгоняет неизбежность приговора
Последние тяжелые мечты.

Накат небес, загробных куш темнее,
И черный снег, поставленный сгорать
Меж бездн столпом, – чем ближе, тем страшнее
Держаться за пята и умирать.

II

Днесь трагик перед взором Мельпомены
Робеет, и клянут материки
Не видевшие огнеликой сцены
Чердачники, парчовые сверчки,

Да на подмостках спят ученики
Пред серебристым взором Мельпомены;
Днесь листья попадают в силки
Кустов, а жизнь рождается из пены

И к телу приколачивает явь,
И в опере поют басами черти,
И ты в душе оплаканной оставь
Все, должно тлеть чему и после смерти.

III

Оставь, как оставляют навсегда
В миру по смерти красной упования,
Теперь сочится мертвая вода
Меж губ и ложно молвить дарованья

Огонь и святость боле не велят,
Пусть лгут еще певцы и словотворцы,
Им славу падших ангелов сулят,
А мы, Фауст, преложим разговорцы

Пустые, хватит этого добра
В изоческих юдолях, за надежды
Оставленные дарствовать пора
Черемников, ссеребренные вежды

Потупим и зеркальницы в желти
Свечной преидем благо, адской флоры
Церковные бояться, но прости
Сим юношам и старцам, Терпсихоры

Иль Талии не знавшим, им одно
Сияло богоданное светило,
А мы и четверговое вино
Пили, и благоденствовали, мило

Нам это воспоминание, церковь
За утварями свет подлунный прячет
От регентов своих, лазурью кровь
По тебе не становится здесь, плачет

О юноше Иуде весело
Божественная Низа, льются вина
В огнях превоплощенные, зело
Балы, балы гремят, нам середина

Земной и бренной жизни тех огней
Свеченницы явила, в изголовье
Оне стояли морно средь теней
Юродствующих висельников, совье

Полунощное уханье прияв
За вечности символ, мы о порфирах
Зерцала перешли, убогий нрав
Главенствует в аду, на мглы гравирах

Теснятся огнетечения химер,
Альковные блудницы воздыхают
О царственных томлениях, манер
Искать ли здесь приличных, полыхают

Басмовых свеч завитые круги,
Чурные ворогини зло колдуют
Над гущею кофейной, сим враги
Духовные, в окарины и дуют,

Иосифу сколь верить, без числа
Кружащиеся нимфы, хороводниц
Вниманием балуют ангела,

Упавшие с небес высоких, сводниц

Вокруг точатся мрачные чреды,
Кого для панн сиреневых отыщут
Оне теперь, нетеновой среды
Тяжелые смуроды, лихо свищут

Разбойные соловки тут и там,
О Шервуде забудь попутно, рядом
Пеют унывно ведемы, к хвостам
Русалок льнутся черти, неким ядом,

Живым пока неведомым, оне
Их поят и лукавые скоринки
Отсвечные в глазницах прячут, вне
Кругов огнистых гои вечеринки,

Померкнувшие фавны говорят
На странном языке, мертвой латыни
Сродни он, божевольные горят
Порфиновые донны, герцогини

С кровавыми перстами веретен
Барочные кружевницы на прочность
Испытывают адскую, взметен
К замковым сводам пламень, краткосрочность

Горения желтушного ясна
Гостям, текут хламидовые балы
Фривольно, ядоносного вина
Хватает рогоимным, а подвалы

Еще хранят бургундские сорта,
Клико с амонтильядо, совиньоны
Кремлевские, арома разлита
Вкруг свечниц золотящихся, шеньоны

Лежат мелированные внутри
Столешниц парфюмерных, примеряют
Урочно их чермы и упыри,
Личин замысловатость поверяют

Гармонией чурной, еще таким
Бывает редкий случай к верхотуре
Земной явиться с миссией, каким
Их огнем тлить, в перманентном гламуре

Блистают дивно, Фауст, отличи
Цесарок адских, те ж творят деянья

Расчетливо, каморные ключи
Гниют внизу, а шелки одеянья

Запудривают бедные мозги
Певцов, глядят на броши золотые
И верно покупаются, ни зги
В балах не видно, где теперь святые,

Где требницы высокие, горят
Одних черемных свечек средоточья,
И чем царевны мертвых укорят
Мужей иль женихов еще, височья

Давно их в терни, серебром персты
Порфиновым и цинками увиты,
Певцам бывает мало высоты,
Но присно достает бесовской свиты

Внимания и милости, от мук
Сих баловней камен легко избавить,
Реакция быстра на каждый звук
Небесный, всеу черемам картавить

Негоже, им дается за пример
Хотя б и твой сюжетик, друг полночный,
А дале тишина, узнай химер
Меж пигалиц рождественских, урочный

Для каждого готовится пролог
Иль в тебе мировой, иль с небесами
Равенствующий, юности за слог
Платить грешно, а святость голосами

Барочных опер высится туда,
Где быть и должно ей, но те пифии
Свергают времена и города,
Их узришь, в бесноватой дистрофии

Никак не различить оскал тигриц,
К прыжку вобравших когти, злобногласных
Пантер черногорящих, дьяволиц
Холодных, с адским замыслом согласных,

Одну я мог узнать пред Рождеством,
Сквозь хвои мишуру она глядела
Из матового зеркала, с волхвом
О чем-то говорила или пела

По-своему, хрустальные шары,

Сурьмой и златом вдоль перевитые,
Тисненные глазурию, до поры
Взирая, мигом очницы пустые

Засим в меня вперила, жалость к ней
Мне, друг мой, жизни стоила, однако
Печаль не будем длить, еще огней
Заздравных ждут нас течива, Лорнако,

Итурея, Тоскана ль, Коктебель,
Немало дивных местностей, где спрячут
Нас мертвые камены, эту бель
Височную легко узнать, восплачут

Утопленные ангелы, тогда
Явимся во серебре и порфирах,
Нам в юности безумная Звезда
Сияла, на амурах и зефирах

Давно кресты прочатся, таковы
Законы жизни, планов устроенье
Влечет демонов, истинно правы
Не знавшие бессмертия, троенье

Свечное и патиновых зеркал
Червницы зрим, Фауст, нас флорентийский
Ждет красный пир, еще не премерцал
Взор ангела Микеля, пусть витийский

Горчит отравой бальною язык,
Цыганские бароны быют куферы
Серебряные эти, но музык
Боятся фьезоланские химеры

И дервиши Себастии, певцы
Лигурии и сирины Тосканы,
Елику наши бойные венцы
Сиим не по размерам, возалканы

Одне мы, аще много в червной тьме
Злоизбранных, стооких и безречных,
По нашей всепорфировой сурьме
Лишь смертников узнают неупречных.

«Как цвели мы, Господь, во разорном саду...»

Как цвели мы, Господь, во разорном саду,
Как хотели отраву изжить,
И приветить начальную Гостью-Звезду,
И Христосу всечинно служить.

Ах, давно эти мраки горят для иных,
Где ж серебро их нощных огней,
Не осталось искры от веночков земных
И от всех не осталось теней.

Слезы вылием ниц, а и будем тлести,
Мародеры не сносят крестов,
Нас добили на самом исходе пути —
Меж багряных и черных цветов.

По направлению к югу Месса

Сотни жаб в изумрудной проказе
На концерты сбежались, ярься.
И антоновки падают наземь,
Циклопической коркою – в грязь.

Серпень грязь эту щедро омоет,
Коемуждо здесь оды слагать,
Хор демонов ли с жабами воет,
Бойной кровию их и пугать.

Тяжелы августовские брашна,
Легких вин молодых изопьем,
Аще глупая юность бесстрашна,
Мы хотя именины вспоем.

Веет ветер ночного эфира,
Свет все краше, пространство – сырей.
И уже дуновенье Зефира
Рассекает немолчный Борей.

Оттого ль праздный шум тропосферы
Страшно внятен, как ровное фа,
Что трехсложные гробит размеры
Золоченая смертью строфа?

Знает Бог, но от пресного лона
Черных вод устремляясь в зенит,
К пышным нетям небесного трона
Помраченная мысль не летит.

Время юной состариться деве
И зияющей рваться листве.
И горит на осенних деревьях
Все, что сгнило в моей голове.

«Когда с небес пасхальная вода...»

Когда с небес пасхальная вода
Лилась и вечность рушилась впервые,
Пред бездною прощаясь навсегда,
С тобою были мы еще живые.

Двойное отраженье где искать
Безумное зеркало не ответит.
Свечою стал сей образ догорать,
Досель огонь пенатам скорбным светит.

Среди созвездий, в космосе огней
Соль слез кровавых есть святая трата,
Пока не остается и теней
В шкатулке межвселенского заката.

Саднящие мгновенья пронеслись,
На мрамор яд возлег смертельным слогом.
И вспыхнула последней раной высь,
Где мы уже мертвы пред вечным Богом.

«Мы царствие Божие тщились прейти...»

Мы царствие Божие тщились прейти,
Всеблагвест-звон ссеребрить,
Но рядно легли во середине пути,
Христоса ли кровью дарить.

Кто смерти обучен, идет по Звезде,
То маялись мы, то вели,
И птицы горели в цветущей воде,
И на небе рыбы текли.

Лазури Господние – красны цветки,
Сим литии пурпур виют,
И там засветятся еще васильки,
Где ангелы нас отпоют.

Первый архаический триптих

I

Хоть бы скорбь нам простят – не хотели скорбеть
Мы, Господе, в алтарь Твой затиснулись краем,
Смерды ж бросили всех по карьерам гибеть,
Звоны святны пия, без свечей угараем.

Нищи мы во миру, царевати сейчас
Нам нельзя и сойти невозможно до сроку,
Вот и празднуем днесь, коемуждо свой час,
От пеяний жалких много ль странникам проку.

Змеи тронно вползли в богоимны сердца,
В пухе цветном персты, буде трачены лики,
И Звезда высока, и не виждам венца,
Присно блудные мы, а и бьются калики.
Пусть сердечки свое крепят мор-ангелы
Ко иглице хвойной вместе с златью игрушек,
Снег на елях горит, крася ношно столы,
Всё нейдем балевать – зло яремо удушек.

Прелюбили пиры, а влачились в рядне,
За любви тоску чад Твоих обвинили,
Весело им теперь сребра пити одне,
Мы, Господь, на крестах разве их и тризнили.

II

Четвергуем теперь, вина красные пьем,
Да порожец равно змейна Смерть обивает,
Как юроды уснут, мы еще и споем,
Горше жизни любовь, а горчей не бывает.

Коли святки горят и стучатся купцы
В наши сени, пускай веселят пированья,
Ан в хорошем кругу и сладят леденцы
Горечь хлебов жалких, нищету волхвованья.

Гурбы снежные днесь постелила сама
Богородице-свет, разукрасила хвою,
Научились молчать, буде присно чума,
И Звезда чрез пухи златью льет моровую.

Мы свободны, Господь, цветно лепим снежки,
Перстной кровию втще осеняем глаголы,
Балаганы везде и галдят дурачки,

Чудотворные те ль заскверняют престолы.

И смеялись оне, слезы ткли во рядны,
Благочинно тряслись, ангелов потешали,
Только в смерти, Господь, мы не стали смешны,
А в бытьи – так серебром нашу голь украшали.

III

То ли внове январь, то ль, успенье поправ,
Святки льют серебро на отбельные лики,
Гурбы снежно горят вкруг ядящих орав,
Пусть вспоют немоту перстевые музыки.

Как хоругвь, пронесли хвойну цветъ до Креста,
Наши ели цвели дольше святочных звонов,
А и доля была не в урок золота,
Кровью скрасили мы бездыханность рамонов.

Вот окончилась жизнь, истекли роднички,
У Ревучих озер собрались неживые,
Побытийно агнцы стали много жалки,
И пеяют псалмы череды хоровые.

Да сановные их восприметим басы,
Рукава завернем – смердов зреть обереги,
Кровны пухи не бьют мор-пастушки с косы,
Трачен Смертию всяк заступивший береги.

И лукавили ж, нас приводя на порог,
Указуя Звезду, во пирах сатанели,
Сбили чадов, Господь, хоть бы червный мурог
Вижди в смерти – на нем присно красятся ели.

«Прожженные последним поцелуем...»

Прожженные последним поцелуем,
Отмеченные пеплом и крестом,
Томимся мы и боле не взыскуем,
У каждого – зеркало надо ртом.

А что певцам умершим недыханность,
Манят их сочинения, Равель,
Простится им пленительная странность,
Сколь вечен синекурный Коктебель.

Мы все любили замковые горы,
Там нынче тени демонов снуют,
Эльфийские и ангельские хоры
О Сиде песни Зигфриду поют.

Порок смешной теперь вольтерианство,
Опасней меланхолии печать,
Готический изыск иль дантианство
Певца велят любого замолчать.

Смотри – сие обложки меловые,
Титульные виньетности горчат,
Сандаловые, паки хмелевые
Аромы о мистериях точат.

Поверишь ли, но правда воссияет,
Хотя бы в зазеркальном торжестве,
Пред Божеским огнем смерть взмывает
Багрец кровавый свой на мураве.

В глорийской праздной вечности, быть может,
В сей каморе циклических огней,
Ты узришь – Мельпомена скорбно множит
Подобья роз и северных теней.

Замкнула вежды радуга рыданий,
Нам выпекла их присная зола,
Теперь уж от посмертных воздаяний
Пребудет ноша жизни тяжела.

Чрез брадики смарагдовой вербены
Лишь мином на рыдване вертоград
С барочным замком, вычурные стены
Чьи туя выжгла либо виноград.

И где же аз? Ни глада нет, ни мора
И крыс чумных за мертвой резедой,
И лики из всеангельского хора
Горят, горят под темною водой.

«Есть за сретенье десная плата...»

Есть за сретенье десная плата,
Только горний огонь расточим,
Узрят вершники столпные злата,
Это мы, это мы премолчим.

Речь нельзя и безмолвствовать боле
Смертоимно, и встречи жалки,
Ангелочки во чистом ли поле —
Вечной муки синей васильки.

Днесь белы наши скорбные лики,
Царский благовест имут кресты,
Знались мы под Иродом велики,
Туне всем ссеребрили персты.

Смерть и красит худые одежды,
Щедро черной лазурок лия
На именные ясные вежды,
Будет, Господи, правда Твоя.

«Вернут ли нас в Крым, к виноградникам в темном огне...»

Вернут ли нас в Крым, к виноградникам в темном огне,
К теням херсонесским хлебнуть золотого рейнвейна
Затем, чтоб запили мы скорбь и не в тягостном сне
Могли покружить, яко чайки, над водами Рейна,

В порту Анахайма очнемся иль в знойный Мадрид
Успеем к сиесте, а после по вспышкам понтонным
Пронзим Адриатику – все же пойдем, что горит
Днесь линия смерти, летя по тоннелям бетонным.

И вновь на брусчатку ступив пред бессонным Кремлем,
Подземку вспомнив и стяги советские, Ая,
На стенах в бетоне и меди, мы к Лете свернем,
Все Пирру святы победы свои посвящая.

Нельзя эту грань меловую живым перейти,
Лишь Парки мелком сим багряным играть умеют,
Видь, нить обрывают, грассируя, мимо лети,
Кармая Смерть, нам равенствовать ангелы смеют.

Еще мы рейнвейн ювенильный неспешно допьем
И в золоте красном пифиям на страх возгоримся,
Цирцеи картавые всех не дождутся в своем
Отравленном замке, и мы ли вином укоримся.

Еще те фиолы кримозные выпьем в тени
Смоковниц троянских до их золотого осадка,
Фалернские вина армический лед простыни
Оплавят в дворце у безмолвного князя упадка.

Святая Цецилия с нами, невинниц других,
Божественных дев пламенеют летучие рои,
Бетоном увечить ли алые тени благих,
Еще о себе не рекли молодые герои.

Сангину возьмет ангелочек дрожащей своей
Десницею млечной и выпишет справа налево
Благие имена, а в святцах почтут сыновей
Скитальцы печальные, живе небесное древо.

Красавиц чреды арамейских и римлянок тьмы
Всебелых и томных нас будут искать и лелеять
Веретищ старизны худые, из червной сурьмы
Голубок на них дошивать и с сиими алеять.

Ловите, гречанки прекрасные, взоры с небес,
Следите, как мы одиночества мрамр избываем,
Цитрации мятные вас в очарованный лес
Введут, аще с Дантом одесно мы там пируем.

Стратимовы лебеди ныне высоко парят,
А несть белладонны – травить речевых знаменосцев,
Летейские бродники вижди, Летия, горят
Они и зовут в рай усненных сиренеголосцев.

Позволят архангелы, не прерывай перелет,
А я в темноте возвращусь междуречной равниной:
Довыжгут уста пусть по смерти лобзанья и рот
С любовью забьют лишь в Отчизне карьерною глиной.

«Исчезнут ночные химеры...»

Исчезнут ночные химеры,
Прельется милованный бой,
И нас за Божии размеры
Возьмут архангелы с собой.

Господь, пурпурных цветных точек
Мы не оставим во письме,
Достало каждому заточек,
Свечей в цианистой тесьме.

Где ныне цезари и князи,
Что фарисеи временят,
Ни краски нет, ни славской вязи,
И вновь томительно звонят.

Мы даже слова не сказали,
А тщились цвет благой искать,
Нас поименно растерзали,
Чтоб не могли к Тебе взалкать.

Готический микророман

Куста луннолистного сколки,
Бумажных собратьев его,
Берег, как реликт, – ничего
От них не осталось на полке.

То было благое письмо,
Виньетки в нем были лазурны,
В фамильное глянешь трюмо:
Лишь те же истлевшие урны.

Огонь белоснежный горит
Внутри усыпальницы веры,
Пред златом гробниц мессонит
Кровавые плачут химеры.

Не в трех ипостасях она ль,
Не наши ли терни листают,
Вдыхая аттический хмель,
С валькирьями ночью летают.

Зимой ничего не спасла
Алекто, и в лунном накате
Парят надо мной без числа
Их гиблые черные рати.

«Захочешь крови голубой...»

Захочешь крови голубой
Испить рождественскою ночью,
Тогда возникну пред тобой,
Чтоб зрела призрака воочью.

Бери, бери скорей сосуд,
Давно засохла в нем отравы,
Кровавой лентой изумруд
Совился днесь и звезды справа.

Под мишурою наша ель
Теперь еще горит в Аиде,
И стал я ангелом ужель,
Пея псаломы аониде.

Ах, горько ангелам тлести
Меж небоцарственных зеленей,
Страстные кончились пути,
Сынкам не встать мертвым с коленей.

Субботы грезилась и мне
Темней серебра у девятки,
Нельзя о Боге и вине
Солгать еще тебе хоть в святки.
А хорошо ли без меня
Свечельной кровью упиваться,
Хмелиться ею и, огня
Страшась, в черни собороваться.

Были те свечи извиты
Для ангелочков лепосмертных,
Алкала туне царя ты,
Божись и вин ищи десертных.

Пей тяжело из суремы
Шаров и чар за новоселье,
Иные призрачные тьмы
Явятся – будет вам веселье.

Во славу это питье,
Господь с тобой, когда святая,
Пускай на басмовом остье
Каждит макушка золотая.

«Звон лиется, и темен Господний порог...»

Звон лиется, и темен Господний порог,
Мы и сами угольев черней,
Хоть кровавой слезою нагорный мурог
Изукрасим в тернице огней.

Много взяли у нищих земные князья —
Разве торбы от хлебных даров,
Будут яствия-хмель им, а после кутя,
Как явимся с монарших пиров.

Литании, Господе, теперь не звучат,
Днесь обходят провидцев судеб,
На пирушках солодные вина горчат
И черствеет владыческий хлеб.

По канавам лежали Твое ангелки,
Всех мы свили раскрасной тесьмой
И во траченный пурпур вплели васильки,
Чтоб не узрели Смерти самой.

«Во десницах сквозь вечность несут...»

Во десницах сквозь вечность несут
Всеблаженные стяги знамений,
Но и ангелы днесь не спасут,
Иоанн, зря мы ждем откровений.

Что еще и кому изречем,
Времена виноваты иные,
Богословов распяли зачем:
Силуэты их рдеют сквозные.

Сколь нельзя нас, возбранно спасать,
Буде ангели копия прячут,
Будем, Господи, мы угасать,
Детки мертвые мертвых оплачут.

Мировольных паси звонарей,
Колоколен верхи лицеванны
Черной кровию нищих царей,
Рая нет, а и сны ворованы.

Бросит ангел Господень письмо,
Преглядит меж терниц златоуста,
Музы сами тогда в яремо
Строф трехсложных загонят Прокруста.

А урочными были в миру
Золоченые смертью размеры,
Но Спаситель окончил игру,
Черны лотосов гасят без серы.
Речи выпрерней туне алкать,
Нет блудниц, нет и мытарей чистых,
Оглашенных к литиям искать
Поздно в торжищах татей речистых.

Ах, литургика ночи темна,
То ли храмы горят, то ль хоромы,
Не хотим белояствий-вина,
Что, Господь, эти ангелы хромы.

Припадают на левую ость,
Колченогие точат ступницы
О мраморники, всякий ягмость
Им страшнее иродской вязницы.

Ныне бранные оры в чести,

Князь-диавол на скрипке играет,
Стоит в сторону взор отвести,
Струны смертная дрожь пробирает.

Челядь всех не должна остеречь,
Отпоют лишь псаломы торговли —
Полиется калечная речь
И успенье почитит четверговки.

Как узрят в нас величье одно,
Ото смерти блаженных пробудят
И за здоровье излито вино
Разве кровию нашей подстудят.

«Нас чужими рекли именами...»

Нас чужими рекли именами,
Всех лишь вера спасала одна,
И взнеслась чрез адницы пред нами
Во цветочках золотая стена.
Может, райские это чертоги
О лазурных горят неводах,
Долго мы обивали пороги,
Сплошь они в раскрасавых следах.

А нельзя за грехи нас приветить,
Надо звездами вечно успеть,
Дай, Господь, ангелочкам ответить,
Будем литии слушать иль петь.

Или молча стоять без ответа,
Хоть и раны зело глубоки,
Горней кровью сквозь огонь черноцвета
Память всех пусть блеснут васильки.

Архаические опусы Первый фрагмент

Вот и минуло днесь воскресение-свет,
Оплатили его житием боголюбь,
Бельных слез не собрать, не воскрасить исцвет,
И любили зазря, и не слышали трубы.

Пусть же грянут оне с юровой высоты,
Хоть на миг оборвут превеселение пирно,
Не жили мы, Господь, и, Твоей лепоты
Не узряши сейчас, всепребудем надмирно.

Той Звезды не нашли и упали костьми,
Только в бойных сердцах не властили козлищи,
Ни любви ужо, ни самих, но прими,
Нас за то восприми, поелику мы нищи.

Сих признаешь, Отец, по царским очесам,
Всех по бели ряднин, по удавке на вые,
Добиралися жизнь ко Твоим небесам
И встали пред Тобой агнецы черневые.

Ах, не плачь, Боже свят, нас не чтут на земли,
Зачинали как есть с багреца да кармину,
А чрез пурпур на кровь по слезам и прешли,
Вижь хотя бы теперь светоч-паству едину.

Соц-хоругвь

Боян, молю, молчи при мне,
Я песни мира не приемлю,
Пусть в синих молниях, в огне
Сойдет Господь на эту землю.

От ульев, медоносных пчел
Живем с годами безрассудней,
И крест неведенья тяжел
Для нас, как для июльских трутней.

Давно двуперстие горит
Перед хоругвями свободы
И кровью храмы золотит,
Но тяжки гробовые своды.

Зеленорунный чайный яд,
Цвет ботанических маньчжурий,
Заваривает вертоград
Льдом сатанинских строф центурий.

Века не победит судьба.
И тонут в пламени аллеи,
Ложится вечности резьба
На юровые галереи.

В узоры драгоценных роз
Вплелись горящие караты,
Мерцанием багряных гроз
Сады пожарные объаты.
Огонь прочней иных оправ
Там, где в червлёных высях – гроты.
Но мы, молитвенник поправ,
Не узрим новые высоты.

На голых наших склонах нет
Ни лавра, ни сосны, ни мирры,
И на престоле черных лет
Кровознаменные вампиры.

«Погаснут свечки золотые...»

Погаснут свечки золотые,
Багрец тисненный расточат,
И колокольни им витые
О муках крестных умолчат.

Ах, эльфы темные летали
Над сими, чаяши Христа,
И цветом рубища латали,
И возносились от Креста.

Господь, в огне Твое церкви,
Не будет силы муки длить,
Не станет слез и десной крови —
И мы лишь сможем их прелить.

«Гекзаметры эти не снились нам с давних времен...»

Гекзаметры эти не снились нам с давних времен,
Но камни Эллады точила янтарная пена,
И стройная строфика смерти прожгла небосклон,
И на воды пала холодная тень Карфагена.
Лазури одне мы хотели зело созерцать,
А вышло иное и нити сии не исправить,
Грассируйте, Парки, как станут серебром бряцать
Опричники тьмы – сами будем сиречно картавить.

Мы сами поидем ко браминам эллинских царств,
В окарины дунем, воспоем, яко Божьи рапсоды,
Воскреснуть нельзя после жалких сукровных мытарств,
Так будем хотя всетризниться за славские оды.

Аттический холод терзает доднесь хоровых
Высоких певцов, обреченных безгласности горней,
Их мало и было, а музы считали живых
Всегда и теперь, поелику живые соборней.

Я был одинок, одиночества лета страшны
Для воров немых, для седмичной Луны фаворитов,
Бессмертие всем полагается, золото в сны
Лишь мертвым лиется из вешних пустых лазуритов.

Пусть сон золотой навеваает безумец опять
Иным поколеньям, а мы рассчитались навечно
С камнями славными, Лета быстрее воспят
Направит себя, нежли будем глаголить сторечно.

Ах, форумник пуст арамейский, но шумен другой
И капищей новых бетон фиолетовый гулок,
О нас не дождутся церковные вести благой,
Одни Азазели сейчас и легки для прогулок.

Господними копьями всех не достать палачей,
Чреды не достигнуть убийц, ко пирам оглашенных,
Слезами ли выжечь терничных венцовых свечей
Цитрийские тьмы, чтоб не слышать литий совершенных.

И дивных речей вековое стремление пустой
Огранкой мерцает, но только уста отверзали
Мы в красных углах мирозданий, яремно густой
Нас кровию рдили юроды и ночью терзали.

Я часто, Вергилий, лукаво и истинно рек,

Обманом спастись от фатумных эриний пытался,
А оды слагал небодержцам и мертвым, но век
Со требою этой без нежных камен рассчитался.

Забили гортань прекржавых розовый шипы,
Финифтью поверх остроцветный свинечник пустили,
Гекзаметры пой, аще в смерти пииты слепы,
Гомеру пеянья даруй, яко музы почтили.

Вновь кровью церковное перебродило вино,
Кагор темной антики, рушивший мрамор Гомера,
Гудит в брызгах соли червлёное веретено,
Вплетая во сны смертоносную нитку размера.

«Белый снег во субботу летит...»

Белый снег во субботу летит,
Черный пламень точится под сем,
Нас Господь-Вседержитель простит,
Даже если и мук не снесем.

Будет ночное серебро гореть
На церквях Его золотых,
Лишь еще и красно умереть
Без хранительных нимбов святых.

Много стало тернистых дорог,
Но отказны страстные пути,
Коемуждо – именный порог,
Мы Господень хотели прейти.

Как багряная вспыхнет Звезда,
С наших терний цветочки сорвет,
Мы явимся, явимся туда,
Где истленное братство живет.

Публичная библиотека Офорт

Солиственное золото веков,
Публичку в термоядерном просторе
Лелея, от готических оков
Замковые цари избавят вскоре.

Опять присобираются без век
Святые мертвецы в топазных залах,
Чтоб глиняные куклы картотек
Сыграли на мелованных кимвалах.

Земли варварской чудный Парфенон
Возносится вне города и мира,
И терем кафкианский отражен
На цинковой доске его эфира.

Давай, Вергилий, адницы свое
Оставим на короткое мгновенье,
Гранатовое может остие
Мерцать еще без нас, отдохновенье

Даруется носителям огней
Басмовых в темном аде, чаровницы
Прекрасные ристалище теней,
Смотри, внимают, ведемы червницы

Свитые наспех бросили, глядят
Ревнительно сюда, а наши дивы
И ждут лишь, не пьют и не ядят,
Их царские осанки горделивы,

Ланиты, мелом красным упиясь,
Возвышенно горят, они внимают
Собрание, над которым, превиясь
Легко, струится нега, поднимают

Ее наверх воздушные столпы,
Туда, туда, к вершине коллонады,
А ниже книгочейные толпы
Всеpravят бал, такие променады

На благо им бывают, но редки
Замысленно они, век на три делим,
Число времен имеем, велики
Меж встречами разрывы, туне целим

Высоко мы, небесные лета
Иное принимают исчисленье,
Мишени бьются низкие, тшета,
Соломон, вокруг, суетность, но томленье

Сейчас не помнить время, царичей
Урочно ждут царевны меловые,
Им бал не в радость будет, сих парчей
Червонных и желтых еще живые

Не видели, а те сидят и вниз
Точат о неге бархатные взоры,
В парче и злате глиняном, каприз
Играй быстрее, Никколо, разговоры

Сейчас не нужны дивам и теням
Благим, в сиренях книжные гурманы
Резвятся пусть, восковым огням,
Сопирникам чудеснейшим романы

За яством пересказывают, их,
Не всех едва, в миру любили этом,
Теперь, узри, в сплетеньях дорогих
Свечные фолианты, силуэтом

Здесь каждый узнаваем, разве мы
Любви земных царевен белоликих
Не ведали еще, хотя сурьмы
Свечные присно в чаяньях великих

Сребрили взором, битые персты,
Гвоздимые иродами, претляли
Червным тем воском, благодать нищеты
Узнав, на звук один определяли,

Где истинности голос, где лишь хор
Черемный, посмотри, оне толкуют
О нас еще, те ведемы, их ор
Я слышу и чего ж теперь взыскуют,

Червницы с ними, серебро свое
Мы ходом крестным Господу принесли,
Гранатовое тлится остие
Под нами, только бдят царевны, если

Сейчас мы не явимся, в ады к нам
Направятся они, я верю, девы
Прелестные, рядитесь, дивным снам

Таинства доверяйте, были где вы

Не важно, коль теперь нас дождались,
Встречайте мертвых царичей желанных,
Эфирных мужей, десно пресеклись
Очницы наши, взоров долгожданных

Огни красой немирною своей
Нимало не шадите, но взирайте
На музами избранных сыновей
И доченек мертвых преубирайте

Лишь мелом красным, златом и сурьмой,
Их северные песни с вами будут,
Алкать иного сует, но чумой
Тлеенья встречу эту не избудут.

«Не изжить нашу синь темнотою...»

Не изжить нашу синь темнотою,
Соловьиных высот не отпеть,
Жизнь раскрасна виньеткой пустою,
Только мы и могли здесь успеть.

Потому ли боялись нас тати,
Потому ль их всею ночью корят,
Где безбрачные ныне кровати —
Сплошь они лепоснежно горят.

Но еще мы явимся во славе,
Яко благовест-литьи звонки,
Чермно станет юродной ораве,
Как за нас препоют васильки.

«Во цвете лет умершей дочери...»

Во цвете лет умершей дщери
Из слез надгробье отыскав,
Толкнем притворные мы двери
И тронем Бога за рукав.

Вечор собирались здесь гости,
Гремели келихи с вином,
Со рукавов их белы кости
Всё разлетались под окном.

Ты, Василисушка, рукою
Махни и лебеди взлетят,
Наполни брагой колдовскою
Потир – испить они хотят.

И что прислали див усненных
Трапезу с Господом свершать,
В отруть настоев мертвопенных
Неможно яду подмешать.

Держали души мы во аде,
Клеймили желтью их с огнем,
Теперь и в дьявольской осаде
По смерти жаром полоснем.

Высоко ж нети пресвятые,
Мирская точится молва,
И всё ко Господу пустые
Мы воздымаем рукава.

«Мы расстались, но, Боже, доныне...»

Мы расстались, но, Боже, доныне
Твои слезы – к карату карат.
Поклоняясь небесной твердыне,
Звезды смерти неровно горят.

Долго млечная пыль осыпалась
В померанцев полночный букет,
Вот у ангелов ты и осталась,
Как побитый огнем первоцвет.

Ночью он всекупальскою тлеет,
Мертвым юнам дарит благодать,
В небоцарствиях горних алеет,
Здесь не могут одесных предать.

Разве ангелы наши цеттары
Зрели в неге восковой свечных,
Пили с нами хмельные нектары,
Ожидали из странствий земных.

А теперь претрезвели покои,
Царских емин столы не держат,
Вазы севрские розы-левкои
Тлят остъем и в зеркалах дрожат.

Зеркала эти вечностью биты,
Всё ириды мелькают одне,
Где серебро и смерти графиты,
Ночь темней еретички в огне.

Где сейчас наши алые свечки,
Время им возгораться-цвести,
Херувимские кровью сердечки
Обводить и чудесно тлести.

Ставь, братия, холодные вина
И хлебовниц изыски на мел
Скатертей, именитств сердцевина
Днесь для тех очевидна, кто бел.

Зря мешали нам белые сучки,
Мы со Господом лишь говорим,
Левоперстные жалуем ручки,
Хорошо, хорошо ведь горим.

То серебро, о коем пеляли
Херувимы в эдемских садах,
С течной кровию иды ваяли,
Сех фигурники тлятся на льдах.

Знай, мы столько избыли страданий
Ибо к присным цветам вознеслись.
Только после прямых попаданий
На века разрывается высь.

Если можешь ты зреть и сквозь нети,
Муку смертную благослови,
Надо мною созвездия эти,
Словно вечные раны в крови.

В поезде

Сие зрят очи Прозерпины —
Чернопрогонный интерьер,
Универсальные картины
Под желчным сводом тонких сфер.

Мрачней и уже промежутки.
В стальные залы поездов
Тоскливые вдвигает сутки
Седое пламя холодов.

Явь гасит смерти постоянство,
Солнцестояние зимы
Летит в последнее пространство,
И лежа едем в бездну мы.

Первый архаический этюд

В серебристый оклад убрали вещуны
Богопервенца днесь и пируют покуда,
С ложей змеи вползли в наши тлумные сны,
Что вещали страстным избавленье от блуда.

Только минула жизнь, завилися листы,
В присных царствах они пурпурою сгорели,
Вижди, Господи, чад углевые персты,
Оттекли через их на репей акварели.

Но прощенья теперь паки рано алкать,
Бутафорские ж те оказались белила,
И хотели зело чернецы помыкать,
Ан и Смерть нам равно хлебов зря не сулила.

Не писцы мы, Господь, не Твое мастаки,
Не треклятых ждали в водосвятье предтечи,
И казнят нас водой, как найдут мастерки,
Зри на мраморе стен расписанные стечи.

«Помимо снега, врезанного в рунь...»

Помимо снега, врезанного в рунь,
Помимо вод небесного прилива
Ничто здесь не сохранно, вновь июнь
Поманит вечность роскошью порыва.

Весна, весна, легко тебе гореть
Над куполами, в мороке простора,
Сердец еще нетронутую треть
Клеймить сусальным золотом собора.

Иные в небесах мечты парят,
Другая юность в нети улетает,
Висячие сады пускай дарят
Листы ей, кои Цинтия читает.

А мы пойдем по темным царствиям
Скитаться, по истерзанным равнинам,
Юродно бить поклоны остриям
Крестов и звезд, опущенных равнинам.

Как в жертвенники Пирра, в тьмы корвет,
Вонзятся в купол славы снеговей,
И новых поколений палый цвет
Окрасит кровью вербные аллеи.

Пойдем, нас в этом сумрачном лесу,
Какой теперь зовется Циминийским,
Ждут фурии чурные, донесу
К читателю, ристалищем боснийским,

Скандалом в государственных кругах,
Затмивших круги дантовского ада
Иль сменой фаворитов на бегах
У Фрэнсиса, а то (веков награда)

Известием из Рима о суде
Над орденом невольных тамплиеров,
Точней, об оправдании их, нигде
Святее нет суда для землемеров

И каменщиков тайных, славы лож
Масонских не ронявших без причины,
Чем в славном Ватикане, надо все ж
Суждение прояснить, зане личины

Иные и известных помрачней
Терзают без того воображенье
Читательское, треба наших дней
Порой такое голоса луженье,

Уныло вопиющего в ночи
Пустой и беспросветной заявляет,
Картин (их в каталогах не ищи)
Мистических такое выделяет

Порой средоточенье, что ей-ей,
Уместней разобраться в апокрифах
Времен средневековых иль полей
Элизиумных, рдеющих о грифах,

Слетающихся тучах воронья,
Посланников аидовского царства
И вестников его, еще жнивья,
Винцентом печатленного, дикарства

Засеявших, итак, скорей туда,
Читатель дорогой, где нас черемы
Извечно ждали, где с огнем следа
Не сыщешь человеческого, темы

Рассказа не меняя, устремим
Свои благие тени, а собрание
Прекраснейшее буде утомим,
Тотчас замолкнем, скопище баранье,

Увы, предолго зреть нам довелось,
Пергаменты козлиные и рожи
С рогами извитыми (извилось
В них вервие само, которым ложи

Патиновые с ангельских времен
Опутывали слабых или сильных
Мирвольным духом, их синедрион
Достойно в описаниях сервильных

Оценивал), те роги и самих
Носителей отличий адоемных
Сейчас еще я вижу, теми их
Числом нельзя уменьшить, из проемных

Глядят себе отверстий, а двери
Захлопнуть не могу я, чрез сокрытья,
Чрез стены лезть начнутся и, смотри,
Пролезут мраморные перекрытья,

Пускай уж лучше рядом усидят,
Их жаловать не нужно, а восковье
Сих масок зримо, пьют ли и ядят,
Морочное сиих средневековье

Мы сами проходили, днесь призрак
За призраком эпохи синодальной
Глядит и наблюдает, рыбий зрак
Из Таврии какой-нибудь миндальной

Мерцал и мне, а ныне средь иных
Собраний забывая гримы эти,
Грозящие ристалищ неземных
Ложию оскорбить святые нети,

Я истинно ликую, пусть оне,
Адские переидя середины,
Калятся на божественном огне,
В червице мелованные блядины

Теряют перманенты, восковой
Маскир свой чуроносный расточают,
Оскал доселе беломеловой
Сочернивая, внове изучают

Рифмованного слова благодать,
Дивятся, елико сие возможно
В сиреневых архивах пропадать,
Удваивать и множить осторожно

Искусственный путрамент, картотек
Гофрированных кукол восхищенью
Честному наущать, библиотек
Избранниц к достохвальному ученью

Вести и подвигать, и зреть еще,
Как в томы эти Герберт Аврилакский
Глядит с архивниц, паки горячо
Сирени выдыхает, огонь флаккский

Приветствует и пламена других
Пылающих одесно духочеев,
Уверенней парфюмов дорогих
Аромат источающих, ручеев

Сиих благоуханную сурьму
Пиет, не напьется вместе с нами,
Всесладостно и горькому уму

Бывает наслаждение теми снами,

Какие навеваются всегда
Безумцами высокими, именных
Их теней роковая череда,
Смотри, из областей благословенных

Движется и течет, вижди и ты,
Читатель милый, эти облемовки
Чудесные, бежавшие тщеты,
Горящие о Слове, черемовки

Тщетно алкают виждений таких
Ссеребрёнными жалами достигнуть,
Нет лессиров хотя диавольских
Теперь, чтоб выше лядвий им напрыгнуть,

В былом очнуться, снова затеплить
Слезой мракобесные свечницы,
Начать гнилочерновое белить
Души бесовской, через оконницы

Стремиться в духодарческий притвор,
Лукавое хоть Данта описание
Грешников и чудовиц, мерзкий ор
С правдивостию схожий, нависанье

Черемных теней в серебре, на гвоздях
Точащихся превешенных, горящих
Юродно тлеться будет, о блядах
Пока довольно, впрочем, настоящих

И стоящих литургий красных свеч
Давай претлеем, друг и брат, патины,
Китановый оставим аду меч,
А с Дантом за родные палестины

Идя иль с духоборником другим,
Давай уже разборчивее будем
В подборе вечных спутников, нагим
И мертвым, аще только не забудем

Скитания надмирные свои,
Мученья без участности и крова,
Медовые отдарим кути,
Пылания зиждительного Слова,

Нагим и мертвым, проклятым гурмой
Увечной и неправой, порицанью

Отверженным, по скрытой винтовой
Лестнице, не доступной сомерцанью,

Опущенным в подвалы и засим
Каким-то ядоморным и дешевым
Отравленным вином, неугасим
Творительства огонь, героям новым

Даруются пылание и честь,
И требнический дух миссионерства,
Нельзя их также времени учесть,
Хоть черемные эти изуверства

Продлятся, вспомнил снова их, но мне,
Я верю, извинит читатель это,
Мы, право, забываем о зерне,
Путем идти каким, пока воздето

Над нами знамя славное камен,
А те, смотри, уж Майгеля-барона,
Червонка их возьми, к себе взамен
Эркюля тщат, горись, эпоха она,

Безумствия черемниц в серебре,
Желтушек празднословных ли невинный
Угар преизливай, в осеневре
Палатном расточительствуй зловинный

Сим близкий аромат, свечей витых,
Кровавою тесьмой, резной каемкой,
Сведенной по извивам золотых
Их мавоков вдоль черственности ломкой

Краев узорных с крыльями синиц,
С тенями, подобающими замков
Барочных украшеньям, чаровниц
Пленявших картотечных, тех обрамков

Картин драгоценных мы равно
Во аде не уроним и не бросим,
Цимнийский сумрак червится давно,
Его и свечным течивом оросим.

«Мы, Господь, истомились в пути...»

Мы, Господь, истомились в пути,
Растеряли багряные терни,
И стоим пред Тобой о плоти
На потеху всеславленной черни.

Много днесь пирований и лжи,
И вечер были втще упования,
Но златым ангелочкам скажи,
Что преложны сии пированья.

Пусть узрят, сколь темны очеса,
Как бессветные раны точатся,
Нас и ждали, Твое небеса —
Во багрец-васильки облачатся.

И не алчем до первой Звезды
Мы к Тебе, и не молим о цвети,
Спаси нас, горнекровной воды
Зачерпнут лишь двуперстия эти.

Поток света

Рек ли Ирод, что вечен твой блеск,
Белый облик, о страстная Федра,
Но в трагедии вспыхнул бурлеск,
Полетела душа в сети ветра.

Ан застыл веселитель наяд:
«Виждь, Психея, кто в свежей могиле!»
И не может вернуться назад,
Яко звезды тебя осветили.

Этот свет засветили, размыв
Фотоснимки, твоё окруженье,
А на том – новый атомный взрыв
Замыкает любое движенье.

Были в мире уродцы страшны,
Наши ангелы вниз опоздали,
И почто шпили тьмы взнесены,
Аще сами колодников ждали.

Их не держит готический строй
К небоцарствиям рвущихся башен,
Замки их во лепнине сырой
И стольницы ломаются от брашен.

Вина горькие морную труть
Содержать в караминах устали,
Башен замковых сих обминуть
Не дадут нам, елику взлетали.

Только, Господи, яды точат
Эти жалкие пары вселенной,
Только нашии тени влачат
Ко персти, черемой населенной.

Бросим злое терновое ниц,
Охладим бесоалчные стечи,
Мрамор их безобразней крушниц,
Не звучать всекартавленной речи.

Сколь в юдоли ревнители зла
Присно вместе, бежать им во ады,
Вспоминают пусть кавер числа,
Чуровые блюдут променады.

Геть, юродные мрази, в подвал,
Там Ирод вас великий заждался,
Маков ждали, на княжеский бал
Сим лететь, кто чермой согладался.

Твари всякой найдется камин,
Из огня ледяного свиваясь,
Вылетай на пустой керамин,
Рой за роем, пияй, обливаясь.

Буде нежить веселие длит,
Маком алым серебро покроем,
Каждый будет со крови излит
Пред ангельским пылающим строем.

«То ли кровь, то ль воскресный тернец...»

То ли кровь, то ль воскресный тернец
Разошлись, что и певчим тлести,
Мы плели Иисусу венец
И его не могли доплести.

Но еще наши раны свежи
И с перстов изливается кровь,
Стоит рая убитый по лжи,
Мы прешли чрез сию нелюбовь.

Богоносных не ждут на пиру,
Много знают они и молчат,
Потому нас гнушались в миру —
Эти крестные раны точат.

А начнут колокольцы звонить,
Серебрясь о багряных верхах,
И Господь не велит обвинить
Нас во кровью сомытых грехах.

«Нас предали, не вымолвить измену...»

Нас предали, не вымолвить измену,
Юдольно чаша муки тяжела.
Величия означили мы цену
И кровь сквозь смерть струями протекла.

Судить не разрешат их, поелику
Они как все и носят мрак внутри.
Огнем сбивает зарев землянику
И ты с огнем тоскливым не смотри.

Бессмертие позором попирая,
Лобзанья святотатские горят
На тех звездах, которые, играя,
Слезу алмазным воском золотят.

Сгорел и я, когда на сердце пеплом
Ночь выпалила твой цветочный рот.
Но все ж не плачь, в безумии ослеплом
Не узришь этих темных позолот.

Пылает над тобой багрянец нежный,
Лишь Бог страданье мог благословить
И образ мой по смерти белоснежный
Вплести в тебя, как траурную нить.

«ЭТО МЫ, ЭТО МЫ ВОПИЕМ...»

Это мы, это мы вопием,
Это, Господи, наши цвета,
В алтаре благодатном Твоем
Наша горняя кровь разлита.

И недольно по лжи умирать,
Пред купеческой чернью говеть,
Так нельзя им одно измарать
Голубую ль, багряную цветь.

Захотят васильки угасить,
А, гляди, новый цветик горит,
Выйдет смерти верхами косить —
Все узрят нашу кровь-лазурит.

Лед нефрита

Закрыла нефритом дубраву
Листва, три осины Ахилл
Богеме пустой на забаву
В алис заводных обратил.

По воску ланит Мельпомены
Лилейные слезы текут,
В лечебнице – пепел Селены,
И Лектором врача рекут.

Высокая длань психиатра
Витиям упасть не дает,
Обвальная сцена театра
Над бездною лет восстает.

Пред вечностью бледночервонной
Плывет астенический свет,
А чудная кукла Мадонной
Не станет, и Марсия нет.

И мастера нет, чтобы древо
Опять превратить в матерьял
И жертвою сделать иль девой,
Ища золотой идеал.

Магический лед оживится
Рождественской ночью, когда
Нам ангел Господень явится
И лед будет красить Звезда.

Сколь мало на хвое игрушек,
Сколь мало иглице огней,
Ей мертвых добавится ушек
И матовых красных теней.

Порфировой влагою млечной
Их нощный огонь окропит,
Затеplit окариной течной
Пока Богопервенец спит.

Мы сами витые свечницы
Украсим слезами-тесью,
Смотри, яко райские птицы
Клюют огоньки над сурьмой.

Нефрит наш рождественский ясен
И багрием вечным покрыт,
Еще неизменно прекрасен,
Видите червовый нефрит.

Бывает в миру лишь урочно
Такие крашение и мгла,
Ваятельство наше бессрочно,
Иглу затмевает игла.

А буде сияния длятся,
Каждит эта зелень в свечах,
Те девы на святки явятся,
Красуясь о горних лучах.

«Как юродивый правду речет...»

Как юродивый правду речет
И прислужник отмоев покои,
Вдов утешных туда завлечет
Пересвет – целовати пробои.

Серебристые кажут глазки
Во садах провисающих вишни.
Княжий зрак исчернил образки,
Тьмы возлиты и слезы излишни.

Поздно плакать над жалкой судьбой,
Тще алкать небоцветного Слова,
Время Смерти ответить рябой,
Нас терзавшая грация вдова.

Были рубища эти худы,
Только злато уста изливали,
Превились горицветом лады,
Из каких звезд арму добывали.

Ни псалмовия некому петь,
Ни за мертвых речи и возвиться,
Яко с родом греховным успеть
Положили – и дико резвиться.

Мрамор, мрамор в очницах, смотри,
А о славе певцов разве хоры
Ангелочков узнали, гори
Ярче, пламень, каждитесь, Фаворы.

Нету елей здесь, будут гореть
Озолотные маковки башен,
Оглашенным еще умереть
Можно в рае, сколь маком он гашен.

А что нет сего, чудный обман
Мало значит, мы алые маки
Напасли, и в Господний карман
Мак набился пред цейские зраки.

Дела в мире начать не могли,
Завершить вседеяние дали
Нам великие те ангели,
Вместе бредники мы соглядали.

Течь тартарская сбила часы,
И блажные столпились у морга,
Дабы маршевы смерти басы
Сберегли нас для жалкого торго.

Страшно почести их тяжелы,
Постарайся, елико возможно,
Оглядеть на поминках столы,
Может, спирт напитал, что преложно.

Возмечтали стези проторить —
Да стопы затекли в формалине.
В нем и будем с тобою парить,
Как две чайки на Божьем помине.

«Мы одни правоверно служили...»

Мы одни правоверно служили
Ангелкам, злать вия на листы,
Не беда, что раскраски изжили —
Васильки на могилах златы.

Нет кистей, а чернила виются,
Ах, Господь, эти литьи в крови,
Зря теперь фарисеи смеются,
Им не снести безответной любви.

Но как грянут архангелов трубы,
Мы явимся во блеске венцов,
И лишь наши превитые губы
Всё рекут за музык и певцов.

Архаические опусы Второй фрагмент

Богородицын лик отобьется в цветках,
В черных розах мелькнет и огнистых ромашках,
Всеисплачем тогда жизнь свою в рушниках —
Что уж плакати днесь о цветочниках-пташках.

Их пуховый раскрас тяготил небеси,
Ихний пух прибывал черневые лазори,
На крови Иисус, у Господе спроси,
Буде есмь вопрошить чудный шанец у мори.

Чуть жили в прахорях снег-царствий моровых,
Минул житийный сон ан ведь мы и не жили,
Слезы пролили впрок за предтечей живых,
Да без нас родичи в изножиях вражили.

Только слез пролитых эти снеги черней,
Прославление здесь и хула неуместны,
Поелику слегли, не сыскать и теней,
Страстотерпцы в чаду, имена их предвестны.

Кармен, Кармен, твоя ль разлетелась тоска,
Не печалься, огонь разрушает и стены,
Мимо жизни ползут со виска до виска
Змейки чермных земель, достигаючи пены.

Ах, сочельники мы привечали всегда,
Рождество ли мело по вечерним пролеткам
Иль в крещенье Господь серебрил невода
И зерцалы темнил небезвинным красоткам.

Божевольная смерть, во пировой судьбе
Не гаси очеса — узрят чады сквозь вежды
По чумном питии, как неможно в божбе
Человекам сносить апронахи-одежды.

Наши стогны, Господь, стали бутон пустым,
Дикий взрос виноград в Ботаническом саде,
Горбой статию, виждь, не прихлись мы святым
И у ноженек Тя отстенаем во аде.

«Под наперстками иглы вонзает в рядно...»

Под наперстками иглы вонзает в рядно
Сквозь имперскую платину зарев,
Поелику нам было изведать дано
И всемилость, и гнев этот царев.

Тяжек он и неможно его перенести,
Но терпи, венцеизбранный брате,
Значит, будем одесно с алкеями есть,
Водку сладкую пить на карате.

Вижди блюда царские и вина вдыхай,
Ароматы сие благовонны,
Меж смурными безумцами тенью порхай,
Где стульницы от лядвий червонны.

Там горят черносливы о нежной икре,
Здесь тунец розовее стерляди,
Преядают царевны в чумном серебре,
Им трапезу сервируют бляди.

Я молчал дольше Бога и горше, сейчас
Время речь, паки розные термы
Излучают бессмертие, где Комитас,
Розы вьет пусть слезой Даздрапермы.

Се и стали бессмертные, мертвым легко
Воевать с юродными купцами,
Что летают валькирии днесь высоко,
Над алмазными рдятся венцами.

Залетайте-ка ночью к свечному столу,
Много ль вы погубили одесных,
Вместе будем травиться, не Дант ли в углу
Спит и видит альковниц чудесных.

Фри успешные пудрами серебро бьют,
Мел восковием красят, уловки
Их опаснее смерти, кого не успеют,
Жечь ему льдом чрез кровь сервировки.

Русских Лиров с небесным огнем не сыскать,
Всё привратники либо холопы,
И воителям славы не должно алкать,
Не порфиры в ходу, а салопы.

Погибает всечасно, кто Богом любим,
А мирские потравы излишни.
Мы с тобою еще со столов доедим
Те гнильцой золоченые вишни.

Нам объедки опричнины в топкий закат
Поднесут, в тьму загробных сияний,
Пусть булаты сверкают у призрачных врат
И не жаждет никто подаяний.

Ибо смертная гнилью горя полоса,
Леденеющей тканью закатной,
Переливные наши прожгла голоса
Кровотока струей невозвратной.

«Жертвенною кровью иноков святили...»

Жертвенною кровью иноков святили,
Мертвых страстотерпцев ждать ли на балы,
Сиро во пиру им, тщетно и златили,
Днесь еще ломаются ядные столы.

Ах, Господь всеправый, были мы велики,
Выцветшими лбами бились о Порог,
Где мироточатся ангельские лики,
Там и в Смерти хватит инокам дорог.

О главах державных чермные тиары,
Паки на Великдень золотом горят,
Но лишь нам открыты Божии муары,
Ангелы со нами тихо говорят.

Из Демоса

И медленно планетная природа
Разделась до кабального ядра,
Дубы гнетет лазурная свобода,
Так грянула осенняя пора.

Могила сокрывает лишь позора
Осповницу на выверенный срок,
Лужению холопского разора
Не властен бойной славы кровоток.

Красна еще магическая трасса,
Но зной уже взорвался на лету
И так нависла солнечная масса,
Что ангелы забыли высоту.

Уран, Нептун, Плутон горящий очи
Следят, а май сравнялся с ноябрем,
Светя дугой вальпургиевой ночи
Поклонным осыпающимся днем.

Закаты над сиреновой паршою
Огромны, перед снегом на воде
И мрак прият оплаканной душою
Сейчас, когда ломает жизнь везде.

Чермы шагов не помнят Командора,
Им каменной десницы не страшно
Пожатье, небеса голеадора
Словесности новейшей, за вино

Лазурное, дешевое, дурное,
Разбавленное снегом ноября,
Четвергом отравленное, хмельное,
Червенное, иродного царя

Позволившее узреть спиртодержцу,
Нельзя ли вновь молиться за него,
За Ирода-царя, как громовержцу,
Дарующее синих торжество

Молний высотных, жертвоприношение
Свершавшего честно, сейчас корят,
Быть может, впрочем, каждый разрушение
Свое усугубляет, хоть дарят

Ему нектары ангельские ныне
Служанки Гебы милой, исполать
Хозяйственности горней, ворогине
Черемной мы ответим, но полать

Еще худая терпит нас в затворе
Диавольском, еще мы не прешли
Сукно и серебро, паки в чурном оре
Пием свое горчащие куфли,

Одно теперь полны куферы эти
Серебряные с лепниной колдовской
Четверговым вином, какие нети
Нас ждут, вдали узнаем, из мирской

Тризнящейся юдоли время свечи
Ночные выносить (сам Командор
Был поводом к неровной этой речи
О Веничке, похмелье не вздор,

Не выдумка досужая, народной
Привычки летописцу и певцу
Бессмертие даруем и холодной
Аидской водки штофик, по венцу

И воинская честь, успенной славы
Хватится коемуждо, весело
Гуляй, братия, паки величавы
Мы с ангелами, Божее чело

Не хмурят небодонные морщины,
Елико наши пиры о свечах
Одесные, нет Божеской причины
Печалиться мертвым, у нас в речах

Всеангельская крепость, Петушками
Не кончится дорога, но сейчас
Вальпургиева ночь, со ангелками
Шлем ёре свой привет), небесный глас

Я слышу, Фауст, скоро о морганах
Явятся черемницы, серебра им
Всё мало, на метлах иль на рыдванах
Спешат быстрее, гостьям дорогим

Черед готовить встречу, их задача
Простая, нет в венечной белизне
Урочности, хоть червенная сдача,
А с нас им полагается, в вине

Печаль былую вечность не утопит,
Готическая замковость пускай
Сегодняшнее время не торопит
На требницы, пока не отпуская

Химер вычурных, коих знал Мефисто,
Они сгодятся в брани, воин тьмы
Направить может спутниц, дело чисто
Житейское, поэтому сурьмы

Порфировой мы тратить не заставим
Камен и белошвеек на черем,
Стольницы полны, сами не картавим
Пока, и что грассировать, гарем

Адничный вряд ли выпренность оценит,
Манерные изыски, не хмельны
Еще, так Богу слава, куфли пенит
Засим вино, балы у сатаны

Давно угасли, оперы барочной
Услышать будет сложно вокализ
Иль чернь презреть в окарине морочной
Зерцала, там уже не помнят риз

Честного положенья, ведьмам трезвым
И гоблинам, пари держу, сукно
Из гробов не пригодно, буде резвым
Вращаться ходом дарное вино

Черем не полагает, им стольницы
Зовущие родней глагольных форм,
Алкайте же виновий, черемницы,
Для вас берегся парный хлороформ,

Следим веселье, Фауст, кто преявит
Образия еще здесь, не резон
Уснуть и не проснуться, балы правит
Не князь теперь, альковный фармазон,

Помесь гитаны злой с Пантагрюэлем,
Где дом и где столовые, благодать
Пировская чужда чертям, за элем
С нетенными каноны соблюдать,

Блюсти и ритуал, и протоколы
Нельзя, хоть станет Бэримор служить
Мажордомом у них, обычай, школы

Злословия урок – пустое, жить

Бесовок, роготуров, козлоногих
Гремлинов, тварей прочих, по-людски
Учить бесплодный замысел, немногих
Могли сиречных битв отставники

Слегка принарядить, чтоб мир грядущий
Их зрел, такой лукавостью грешил,
Всегда пиит горчительно ядущий,
Алкающий, я в юности вершил

По-гамбургски их судьбы, но далече
Поры те, Грэйвз, Белькампо, Майринк, Грин,
Толстой Алекс, да мало ль кто, при встрече
С чермами их ущербных пелерин

Лишать боялись, в серебро и рядили,
Ткли пурпур в чернь, с опаскою тлелись
Вокруг, одно читатели судили
Тех иначе, но чинно разошлись

Таких волшебных флейт, дутья умельцы,
Разбойничают всюду соловьи,
Шеврон каких не вспомнит, новосельцы
Из выпренних и ложных, им свои

Положены уделы, Робин Гуда,
Айвенго, темных рыцарей сзывай,
Исправить дело поздно, яд Гертруда
Прелила вместе с Аннушкой, трамвай

Звенит, звенит, не ладно ль в присных царствах
Зеркал глорийных, сумрачной Луны
Ответит фаворит, давно в мытарствах
Нет смысла никакого, казнены

Царевны молодые и надежи,
Их жены, братья царские, роды
Прямые извелись, на жабы кожи
Лиются мертвых слезы, а млады

Теперь одне мы, Германа и Яго
Еще к столу дождемся иль иных
Греховных, черем потчевать не благо,
Так свечек не хватает червенных,

Чтоб гнать их накопленья за виньеты
Узорные, обрезы серебра,

За кафисты, бежавшие вендетты
Бесовской, амальгамная мездра,

Порфирное серебро и патина
Желтушная сих въяве исказят,
Чихнем над табакеркой и картина
Изменится, и чернь преобразят.

«Как высоко Господние эти скрижали...»

Как высоко Господние эти скрижали,
Выше черной Звезды, чей пожар на земли,
Прежде ангелов статию мы поражали,
Ан теперь во полынь с лебедой полегли.

Всё хранила тебя от смертей Параскева,
Стерегла мя, юродного, подле калек.
Хоть с полатей восстань, хоть со адского хлева,
Ты Марии стопы не омоешь извек.

И почто белый снеже багрово ложится,
Дочке-лебеди царь не подаст ничего,
Не сумели мы звездным уголем разжиться,
Иисуса забыли в его рождество.

Столь нагорный ли свет может быть беспощадным,
Спросишь там – как преломится он для двоих,
И в огне золотом Бог алмазом исчадным
Выжжет имя Иаков на святцах своих.

«Нас ничто уже не помрачит...»

Нас ничто уже не помрачит,
Лишь воскресный багрец вскроет вены
И Господний псалом отзвучит,
Мы уйдем в кущи роз и вербены.

Мы с Юдифию к царским вратам,
Где пеяла церковная дева,
Обращались и паки листам
Доверяли таинства напева.

Платье белое ныне красно,
Горько плачет ребенок прекрасный,
Сталось кровью худое вино,
Этот цвете губительно красный.

Пахнут ладаном персты дьячка,
А твое ледянее гранита,
Обручала нас иже тоска,
Фрида ты иль иродная Нита.

Что искала в каморе мирской,
Разве пиров и скаредной требы,
Вижди остье за левой рукой,
Вдоволь ешь чечевичные хлебы.

Все дешевые вина пречлись,
Расточились чурные демоны,
В пирамидные тьмы разошлись
На иные века фараоны.

От сандаловых тонких дерев
Ароматом аттическим веет,
Толпы резвятся розовых дев,
А за Корою царе червеет.

Мало гончим потравных утех,
Мало ворах кровавой трапезы,
Будет вечера славной у тех,
Кто лишен inferнальной аскезы.

Будут с нами еще пировать
Наших дней подсадные витии,
Царских братьев легко продавать,
Пусть хотя сторонятся Мессии.

Не нашла чернь в субботу царя,
Вкруг псари да запалые волки,
Хоть посмертною славой горя,
Что ж, украсим престольные полки.

Падом нежить вся ныне сюда
Налетела во гневе ослеплом,
И горит ледяная вода
Не алмазным огнем – черным пеплом.

То Полынь тяжело вознеслась
Над уродцами и образами.
Льдом изгнившим ты и обожглась,
Сиих чудищ гнилыми слезами.

«Мы ко Господу позднею ночью придем...»

Мы ко Господу позднею ночью придем,
Склоним главы бескровные ниц,
И омоем рамена пурпурным дождем,
Мало света в зеркалах адниц.

Муку смертную эту вольно изваять:
Ею низана каждая весь,
Буде выпало нам у престола стоять,
Всем укажем, кто праведник днесь.

Только что это, Господи, пурпур с венцов
Истекает и льется во сны,
И звонницы горят со червлёных торцов,
И двуперстия наши черны.

Канцтовары Калька

Взвиваясь над назойливой толпой,
Стандарт сбывает крашенный Меркурий,
И дракул заражают красотой
Фигуры пустотелых дев и фурий.

Заверченные в глянec до плечей,
Сиреневою матовой прокладкой
Обжатые, глядят, и нет прочней
Уз ситцев кружевных изнанки гладкой.

В зеркалах бельеносных тьмы скелет
От пола исочается, лелея
Гофриры лядвий меловых, паркет
Скользит крахмально с пудрами келея.

Венеция – обманутых юдоль,
А мы зане храним ее зеркала,
Чтоб вечная танцующая моль
Над арфой эолийскою порхала.

Фламандских гобеленов, севрских ваз,
Реликвий в антикварных анфиладах
Порой дороже тусклый проблеск глаз
Иконниц в бледногребневых окладах.

Проспект краснофигурный под орлом
Двуглавый днесь мерцает бронзой русской,
Но каждый терракотовый разлом
Горит надгробной желтию этрусской.

И зрит кроваворотый каннибал,
Коробкой со скелетами играя,
Кто в чресла ювенильные ввергал
Огнь мертвенный, кого ждет смерть вторая.

Горацио, а нас ли вечность ждет,
Благие ли трилистия лелеет,
Идущий до Венеции дойдет,
Господь когда о нем не сожалеет.

Сколь нынешние ветрены умы,
Легки и устремления обслужных,
Кансоны ль им во пурпуре тесьмы
Всем дарствовать для символов ненужных.

Ненужный факультет сиих вещей,
Забвения торическая лавка,
Беспечно соцвetaй от мелочей
До ярких драгоценностей прилавка.

На стулия теперь, венчая мисс,
Как матовые лампочки в патроны,
Жизнь садит бледнорозовых Кларисс,
Чтоб тлелись золотые их капроны.

Я с юности любил сии места,
Альбомные ристалища, блокноты
Порфиновые, чем не красота
Внимать их замелованные ноты,

Мелодии неясной слышать речь,
Внесенную ко ангелам и тайно
Звучащую, теперь еще сберечь
Пытаюсь то звучанье, а случайно

Взор девичий в зеркале уловив,
У вечности беру на время фору
И слушаю пеяния олив
Темнистых, арамейскому фавору

Знакомых, не подверженных тщете
Мелькающих столетий, шум и ярость
Какие внял Уильям, во Христе
Несть разницы великой, будет старость

Друг к другу близить нищих и царей,
Узнает любопытный, а оливы
Шумят, шумят, се рок мой, словарей
Теперь еще взираю переливы

Оливковые, красные, в желти
Кремовой, изумрудные, любые,
Дарят оне полеты и лети
Со мною, бледный юноша, рябые

Оставим лики Родины, пускай
Вождей своих намеренно хоронят
Прислужники, иных высот алкай,
Сколь мгла кругом, порфиры не уронят

Помазанники Божие, словам
Я отдал и горенье, и улады,
Точащимся узорным кружевам

Нужны свое Орфеи, эти сады,

В каких пылает Слово, от земных
Премного отличаются, химеры,
Болящие главами, в желтяных
И пурпурных убраниях размеры

Здесь краденные точат и кричат,
А крики бесноватости отличья
Являют очевидность, огорчат
Сим книжника пеющего, величья

Искавшего по юности, певца
Текущей современности благого,
Но веры не убавят и венца
Алмазного не снимут дорогого

С виновной головы, зачем хламид
Потешных зреть убогость, ведьмы туне
Труждаться не желают, аонид
Преследуют безбожно, о иуне

Нисановый свергают аромат,
Курыт свое сигары чуровые,
Хоть эллин им представься, хоть сармат,
Сведут персты костлявые на вые

И жертвы не упустят, сады те
Богаче и премного, для потехи
Я ведем вспомнил чурных, нищете
Душевной их пределов нет, огрехи

Общенья с ними, жалости всегда
Печальные плоды, но сад фаворный
Сверкает и пылается, туда
Стремит меня и огонь чудотворный,

И пламень благодатный храмовой,
Десниц не обжигающий гореньем,
О творчестве не ведает живой,
А мертвый благодатным виждит зреньем

Картин реальность, их соединив,
Двух знаний став носителем, избранник
Словесности высокой, может нив
Узнать сиих пределы, Божий странник

Одно смиренен в поприщах земных,
Но избранным даются речь и звуки,

Те сады ныне призрачней иных
Их брать сейчас каменам на поруки

Черед настал, а где певцов ловить
Небесных, все ринулись в фарисейство,
Черем хламидных суете удивить
И смертью, так скажи им, лицедейство

Не может дать вершинности, к чему
Пред теми одержимыми стараться
Бессмертие воспеть, зачем письму
Одесному желтицей убираться,

Ловушка на ловушке вокруг, игры
Своей нечистых среды не оставят,
Не там горели морные костры
Замковой инквизиции, лукавят

Историки и фурии наук
Астральных, теневые звездочеты,
Нет благоднее музовских порук,
Но с вечностью нельзя вести расчеты,

Елико астрология сама
Грешит реалистичностью научной,
Уроки нам бубонная чума
Дает и преподносит, небозвучной

Симфонии слышать не дано
Помазанным и вертерам искусства,
Пьют червлениозвездное вино,
Хмельностью умиряют злые чувства,

Какой теперь алгеброю, скажи,
Поверить эту логику, гармоний
Сакрально истечение, а лжи
Довольно, чтоб в торжественность симфоний

Внести совсем иной императив,
Навеянный бесовскою армадой
Терзать небесной требою мотив,
Созвучный только с адскою руладой,

Но слово поздно мертвое лечить,
Сады мое лишь памятью сохранны,
Зеленей их черемным расточить
Нельзя опять, горят благоуханны,

Сверкают шаты ясные, в тени

Охладной музы стайками вьются,
Фривольно им и весело, взгляни,
Горацио, навечно расстаются

С иллюзиями здесь пииты, зря
Писать лукавым пленникам пифийским
Дадут ли аониды, говоря
Понятным языком, дионисийским

Колодницам возможно уповать
На хмелевое присно исплетенье,
Воспитанников пажеских срывать
Плоды подвигнув гниlostные, чтение

Их грустное приветствовать иль петь
Нощные дифирамбы малым вора́м,
Настанет время царить и успеть,
Созреет юность к мертвым уговорам,

Венечье злоалмазное тогда
Борей дыханьем сумрачным развеет,
Веди иных запудренных сюда,
Коль жизненное древо розовеет

И мирра вьется, мускус и сандал
Еще благоухают, плодоносят
Смоковницы, когда не соглядал
Дьявол юных жизней, не выносят

Черемные цветенья и страстей
Возвышенных, провизоры адские
Уже готовят яды, но гостей
Томят не белладонны колдовские,

Желают неги выпрерней певцы,
Тезаурусы червные листа́ют,
Гекзаметры берут за образцы
Гравирного письма, зело чита́ют

Овидия со Флакком, Еврипид
И старый добрый Плавт воображе́нье
Терзают их, сиреневый аспид,
Всежалящий оводник, искаже́нье

Природное милей им, нежели те
Вершители судеб вековых, ловки
В письме они бывают, но тщете
Послушные такие гравировки,

Чуть слово молвят, сразу помянут
Рабле, точней сказать, Анакреона
Иль рыцаря Мольера, преминут
Оне ль явить начитанность, барона

Цыганского иль Майгеля с грудным
Отверстием ославят, а зоилы
Свое труды чумовые свечным
Патрициям воздарят, аще милы

Деяния никчемные, письма
Чужого мы финифть не потревожим,
Успенное б серебро до ума
Успеть нам довести, быстрее итожим

Речение, а камерность сего
Творенья, именуемого садом
Трилистий говорящих, ничего
Не просит у бессмертия, фасадом

Звучащим и играющим теней
Порфирами сокрыт эдемских аур
Божественный альковник, от огней
Мелованных горит белей тезаур,

Накал его сродни лишь пламенам,
Еще известным Данту, облетают
Сирени и гортензии, ко снам
Клонит царевен бледных князь, считают

Своим его шатер домовики,
Убожества кургузые и эльфы
Прелестные, когорты и полки
Ямбические следуют за Дельфы,

Клошмерль иль Трира затени, иль мглы
Туманные Норфолка, единятся
В порывах благотворных, тяжелы
Для младости виденья, но тризняются

Оне в саду немолчном, свечевых
Узилищ вечных татей равнодушно
Встречает зелень, желть ли, о живых
Роятся здесь мертвые, мне послушно

Когда-то было таинство речей,
Их серебром я ношному бессмертью
Во здравие записывал, свечей
Теперь огарки тлятся, круговертью

Лихой муарный пурпур унесло
Давно, лишь панны белые вздыхают
И теней ждут, взирая тяжело
На серебро, и в червнице полыхают.

«Во червонных пухах ангелочки блестят...»

Во червонных пухах ангелочки блестят,
Истомились они и у каистр опочили,
Нету царствий таких, где безвинных простят,
Зря в алтарь мы венки цветяные влачили.

И ломали ж, Господь, и калечили нас,
Всех и сбили, одно пировати победу
Не могли, пеюнов забирает Парнас,
Там бояны Твои алчут мертвую веду.

Как начнут бедных чад по Суду воскрешать,
Грянут бомы, огнем налиются скрижали,
Узришь, Господи, – нас будет Смерть прикрашать,
Василечки мы с ней здесь полуденно жали.

Видение Леты (Святки)

Пучина Леты и альбом
Семейный приняла – со всеми.
В фамильной славы окоем
Глядится нежилое время.

Не проливаясь через край,
Волну чернит полет валькирий
Сквозь северный вороний грай
В розововетренном эфире.

Поток лазури в черноту
Течет, в тотальное пространство,
Где милых ликов красоту
Объяло смертное убранство.

Кто много странствовал, Орфей,
Искал невест благих во аде,
Земных уже не будет фей
Вокалом жечь на променаде.

Не станет их обременять
Искусством певческим всечасно,
Сад Фьезолани истемнять,
Цветенье с юностью согласно.

Для нимф отыщутся пажи,
Глупцы доверчивые, музам
Не оглашенные мужи,
Иным подвластные союзам.

Я часто Марсия встречал,
Вдыхал мелос его печальный,
Юродиц темных расточал,
Но яден морок невенчальный.

И что о белых сожалеть
Царевнах в райских экипажах,
Им должно с маками алеть,
Иным кручиниться о пажах.

Зачем и помнить молодым
Пенаты скорбные, в инферне
Достанет грешников, седым
Огня достанет в нощной серне.

Смотри, смотри, еще горят
Все эти форумники жизни,
В устах со вишней говорят
Царевны, их, певец, не тризни.

Меж бездн двудонных вопия,
В пергаментных тенетах сути
Могильный камень бытия
Рвет золотую степень жути.

И вновь апрель, толпой разъят,
Сырою тенью догорая,
Распластан снег, и дни стоят,
Как кровь на сабле самурая.

Второй архаический этюд

Нам чрез мрамор четверг, чрез последний удел
Шлет смарагды жалких кровонищенских терний,
Зелень веждов испьет, кто премертвенно бел,
Душ успенных считать идет часе вечерний.

Ах, золотые деньки, буде воля Твоя,
Закатались оне пред пятничною перстью,
И не впрок же пошла солодная кутя,
Белы агнцы взялись огнечерною шерстью.

Что разорвано раз, то неможно связать
Перстам Парок, а слез, Господь, хмельных не страшно
Соглядати волхвам, да потом лобызать
Во ланиты Сынка под колядное брашно.

Рок немилостив столь – и потайны дела
Явью стали в миру, всё мы деток хороним,
И любовна гудьба отшумела бела,
Не святой Валентин, к нам пришел Иероним.

Коли рухнула жизнь, вина терпки неси
Покрепчее, пиит, из Господних подвалов,
Хоть умоем Твое, Господарь, небеси,
Тризну справим в слезах, исчезая со балов.

Дева-лебедь зачем агнцев тихо зовет,
Здесь одна царит Смерть и тризнится во гробе,
И куражится всласть, и к зеркалам нейдет,
Аль обочь их черно, яко в перстной утробе.

И не светит Звезда в новогодней нощи,
И никак обойти мы не можем юдольны
Круги, чадную ель, Иисус, не ищи,
А и были купцы в Рождестве хлебосольны.

Даже память саму о закланных агнцах
Иглою той мишурой на века угасили,
Огнево и стоим в серебряных венцах,
Сберегли их, Господь, а голов не сносили.

Тайной вечери дым, золотея, с перста
Иисусе летит, вижди, Господе, татей —
Обрали ж до костей, а Твоя лепота
Над крухой прахорей только ярче и златей.

«Сладко иродам гробы сквернить...»

Сладко иродам гробы сквернить,
Безъязыким уродовать слог,
Как начнут колокольни звонить —
И на Божеский ступим порог.

Ныне всяк с червоточиной шпиль,
Кольца змей растеклись от Крестов,
Из родных палестин донести ль
Тени красных и черных цветов.

Ах, поблекли сии на плаще
Князя тьмы и горят истемна,
Их пурпуру мы тризнили втще,
Лишь во очи забилаь она.

Лядный бут нам ко гробам снесли,
Вяще свечек терничный нагар,
От обрядовой этой земли
Невысоко до райских гагар.

Перешли мы, Господь, те цветки
Вдоль могил сиротливых своих,
И украсили щедро венки
Темнопурпурной кровию их.

«Отзвучали псалмы, лишь тяжелая лира...»

Отзвучали псалмы, лишь тяжелая лира
Иногда будет сумрачный дух потрясать.
То, о чем ты молила у млечного клира,
Не сбылось, и, возжегшись, начнет угасать.

Все мольбы теперь, все ожидания напрасны,
Потому что на вечность рассчитан обряд,
Потому что деревья уже темнокрасны
И под золотом слез капли крови горят.

Наливаются мукой угрюмые очи,
В них угольные тускло мерцают огни.
Ты просила продлить безмятежные ночи
И тебе даровали безумные дни.

Мы, навеки забытые звездным приходом,
Дуновение пьем богоносной чумы.
Знаю, стала бы смерть слишком легким исходом
Для прибитых к крестам цветниками зимы.

Привыкай же пока к этим черным полотнам,
Обводи краской смерти немые уста,
Может, после нее только и распахнет нам
Сад страданий свои огневые врата.

«Из огня голубого кроясь...»

Из огня голубого кроясь,
Тяжко блещет беззвездная чара.
Наша твердь на костях вознеслась,
Вся горя, как небесная кара.

Белой лестницы в ней не ищи,
Мы были о Звезде нетлеенны,
Виноградные эти ключи
Для отроков иных разлиенны.

В рае маковом Бога молят
Ангелов световольные тени,
Обелят нас еще, обелят,
На лазурные кликнув ступени.

Вспоминай хоть во снах обо мне,
Только там где нас нет, мы пребудем.
И забудем о вечной весне,
Друг о друге легко позабудем.

Что и праздновать юности бал,
Он горел мелованным огнем,
Ныне маковник Божеский ал,
Мы стопами его не затронем.

Не сотронуть райских цветников,
От земли до небес ли тянуться,
Буде ангельский темен альков,
Положат нам одесно вернуться.

Были, Господь, мучители злы,
Настигали Твоих полукровок,
А и райские сны тяжелы,
Всякий ангельчик лепо неловок.

Благ тот маковник алый в Твоем
Светлом рае, а всё недокрашен,
Хоть серебро еще разлием,
Хоть алмазы достанем из брашен.

Ссеребрим липы темных аллей,
Огнь прельем в теньевые альковы,
Сами будем дорожек белей,
Лунных венчиков, аще маковы.

А не всяким даруется цвет
Светломаковый, цвете венечный,
Этот Божий троновый свет
Для одних лишь невинников млечный.

Будем, будем еще пресветлы,
Вознесемся, тогда удивится
Челядь злобная, тьмы ангелы
Разве тернию смогут увиться.

За одни лишь о счастье мольбы,
Над планидой кровавой полеты
В черный вакуум гиблой судьбы
Тя вобили святыя высоты.

«Не мучителям звезды с небес доставать...»

Не мучителям звезды с небес доставать,
Руки их прекрасней этой крови,
Как устанут, Господь, всесвятым побивать,
И зардятся ночные церкви.

Иисусе, мы чтим Твоих ангелков,
Там они, где терницы нетленны,
Краше нету спасительных бойных венков,
Нет чернее серебра геенны.

Наша жизнь истекла, коемуждо равно
Васильковые лавры свивают,
Притомились ловцы и алкати вино —
Видь, цветочки в крови обрывают.

Фотопантеон Лица в рамах

Вкрапление в пурпур черных роз
Не оставляет даже шанса.
Пред смертью наших поздних грез
Мы далеки от декаданса.

Ах, Эльза, ангел твой не мог
Иное предсказать реченье.
Одно лишь Слово вечно – Бог,
Нет прочих слов, а есть моление.

На огонь последний, как на шпиль,
Нанизывает век надежды,
Хотя бы мировой утиль
Теперь не узрят эти вежды.

Парчой рубиновой сокрыт
Источник пламени, но лира
Тяжелым золотом горит
Под темным пологом эфира.

Стояло фотоателье,
И вывеска на нем гласила:
«Снимаем живших на земле,
От космонавта до Ахилла».

Строенье с четырех сторон
Сжимали северные дали.
На вывеске гудел неон,
А в рамах лица западали.

И падал черно-золотой
Снежок из цинка вышней тверди,
И время потекло рекой
В цветъ конденсированной смерти.

Увидеть дважды этот свет
Не дай Господь, се потрясенье
Страшит, как мертвеца – портрет,
В могилах разъедает зренье.

Огненнокрылый серафим,
Явившийся в земной пустыне,
Здесь пролетел почти незрим
И растворился на пластине.

Святых охватывала мгла,
Но белые столпы горели,
Где их, как свечки, подожгла
Ирония великой цели.

Терцин венки из адских снов
Пронзят, быть может, мир огнями,
Украсив платину слогов
Уже кровавыми слезами.

Того, кто царствовал, учил,
Бродяжничал по Галилее,
В обскуре натрое разбил
Свет от креста на мавзолее.

Коленопреклоненный князь
Сапфирной тьмы, маг серной термы,
Пред амальгамою виясь,
Когтился вновь из лунной спермы.

О скорби мира Агасфер
Забудет, к розам возвышаясь,
И на изломе темных сфер
В горящих башнях отражаясь.

С иными ликами порой
Мешались тусклые картины,
И меркли форумник пустой
И храмы скорбной Палестины.

Сонм отражений расписных
Гас лессировкой в пантеоне,
И проступали очи сих
Лишь золотом на черном фоне.

«В ледяной отраженный воде...»

В ледяной отраженный воде,
Растекается падью беззвездной
Темный купол, мы больше нигде
Не увидим кресты перед бездной.

Даровали нам сумрак волхвы,
А иным даровали свободу,
Яркий нимб у твоей головы
Аонид подвигает на оду.

С небоцветного только листа
Музы смерти ее дочитают,
Пурпур строф огранит высота,
Мертвородные хоров и чают.

Украшений своих не снимай,
Пусть ноябрьский огонь их осветит
Иль дугою божественной май
Все послезно алмазы приветит.

К мертвым петлям падучих светил
Вознося ожерельные нитки,
Тех вспомни, кто здесь отлюбил
Звезд фальшивых могильные свитки.

«Не горит черный снег и в притворах темно...»

Не горит черный снег и в притворах темно,
И не рдится над тьмой мишура,
Четверговое днесь зеленеет вино,
А нектары испили вчера.

Разочтемся опять на живых-неживых
Пред терницей флажков аонид,
Нет возмездных светил на путях роковых,
Псалмопевцев оплакал Давид.

И вольно ангелочков теперь побивать
Лихоимным армадам зверей,
В чернокнижных кирасах юродски сновать
По затворам пустых алтарей.

«Кто назначал свидания во снах...»

Кто назначал свидания во снах,
Давно побит небесною картечью.
Сим не повем печаль о временах,
Ожгло реченье горловою течью.

Овидию предписано молчать,
А он бы оценил метаморфозы,
Нельзя латынь с гламурами венчать,
Ложесны вождедея, славить розы.

Глорийские зеркала тяжело
С небренными тенями расстаются,
Где лядвия девичьи и весло,
Над панною привратники смеются.

Не стало бледноогненных чернил
И вечность мы слезой переменили,
Царь-колокол тогда не презвонил,
Хоть звон его архангелы тризнили.

Нас предавшим вселенская хвала,
Да будет исполать родам их черным,
Пускай от гнилоядного ствола
Чадят века дыханием тлетворным.

Доселе алебастровый горит
Морок над славным городом Петровым,
Лишь Риму и положен лазурит,
Вспоенный червным золотом суровым.

Что, Лютер, твой путрамент голубой,
Чернильницами весело ль бросаться,
Когда мерцает бездна под тобой
И стоит разве жизни опасаться.

Зачем стремились к эллинским постам —
Условия здесь предложены иные.
Расстрельных опознав по лоскутам,
Свинец ложится в звезды теменные.

Ложись и ты, захлопнет вечность дверь,
В раю блуднице встретится мнемоник,
И мытари приидут, чтоб теперь
Пытать уста лузгой губных гармоник.

Всем выдано гробовое сукно,
Зашли в тылы безжалостные алы,
Пророчествовать поздно и грешно,
Соль наших слез утоплена в подвалы.

По виселицам гнилью полоснет,
Сокроет снег хоругви и шеломы.
Падь с абрисами ломкими блеснет,
Ея навек проточат буреломы.

Что честь блюли – все списано в запас,
И смерть не утолит уже печали,
Архангелы одни оплачут нас,
Которым строфы с кровью посвящали.

«Мы, Господь, о всенощной влачились...»

Мы, Господь, о всенощной влачились
На Твои голубые огни,
Туне мглы чернокрылые тлились —
Литании ль загасят они.

Вновь гремят и гремят царезвоны
И серебром пылает Звезда,
Василисы, до тех Персефоны
С псалмопевцами были всегда.

Но теперь и венцы наши тратны,
И собирают пиры не для нас,
Васильки лишь могильные знатны,
Сиротливый не блещет Парнас.

Ах, еще здесь квадриги проскачут,
Этих литий нельзя отслужить,
И о мертвых орфеях восплачут
Преалкавшие в терние жить.

Черное веселье

Скотный двор миновала телега,
Мимо вдавленных в плоски щетин
Синих глазок в село имярека
Повезла. Странник ли, селянин?

Резв осел золотой, на просторе
Снег борейский холмист и глубок,
И дубравы темнеют во горе,
И Отчизне угоден лубок.

Две овчарни, там вьется гербарий,
Словно в зной у сухого ручья,
Полорогие топчутся твари,
Листья мирта, как славу жуя.

Веселится народ, царской водкой
Заливает чумную тоску,
Растворившись за ближней высоткой,
Честь Гермес отдает ямщику.

Праздник лености длится донине,
Звон взлетает к иным берегам.
Благо, в смехом побитой святыне
Искру веры не высечь врагам.

«Как упасти нельзя одесных...»

Как упасти нельзя одесных
И ветошь кровью истекла,
Дождемся чаяний воскресных,
Чтоб злато слилось в купола.

Пойдем цветочки луговые
Назло иродам собирать,
А мы теперь еще живые
И нам ли время умирать.

И станет вербная неделя
Гореть, пасхалию свята
Во тьмах, где с пламенем апреля
Играет Божие дитя.

Тоска Готика

Свод ли, отблеск ли крымского лета
Осветил все, как солнцем, – тоской.
Огонь угрюмый не будит ответа,
Но опять повстречался с тобой.

На седые зубцы черногладий,
На цезуры сии шар огня
Отсвет шлет от небесных аркадий,
Золотую симфонию дня.

В Христиании этого царства
Не представить, лишь северный брег
Явит мертвым арму тенедарства,
Некий брошенный звездный ковчег.

Видишь, чайки летают благие,
Персть вечерняя томно горит,
Псалмопевцев камни другие
Веселят, мир о них говорит.

Сих юнидами звать положенно,
Всякой юности мила весна,
Рай утрачен, а время блаженно,
Смерть лихая на пире красна.

Будем вместе, зачем орхидеи
Яснобелые эти гасить,
Богопервенцам руки Медеи
Пусть не снятся, сиих ли косить.

С нами Гейне седеющий плачет
И резвится амур молодой,
И к царевичу волк не доскачет
Под хорезмской янтарной Звездой.

Твердь светла от вестсайдских историй,
Ночь Метохии внове тиха,
Высоко ль до небесных Преторий,
Ангели нам серебрят верха.

Всетеми Малороссии дивной
И найти лепоцветье ль окрест,
Глухо музы сердечко наивной,
Высь пуста и взыскуется крест.

Херсонесскую тусклую глину,
Бледный мрамор плавильным лучом
Жжет июль, где на миг Мнемозину
Повлекло в апрометный проем.

Словно пурпуром, залит одною
Мертвой краской, чей свет невелик,
Стан, омытый летейской волною,
Черной пеной обточенный лик.

Возвернулись, а смерть не избыли —
Жизнь тоскою не оголена.
И тогда мы друг друга забыли,
Как волну забывает волна.

Архаические опусы Третий фрагмент

Понедельничать сил никаких, Господь, нет,
Хоть со пиршеств уйдут безоправдные князи,
Не зегзица ль сама принесла нам извет,
А в купели сошли червоглинные грязи.

Херувимы Твое без именных листов,
Черневые агнцы в змейных розах почили.
Вот ланитную кровь отерем как с перстов —
Да поидем гулять под стогновые шпили.

Иль узрит Иисус премучений терно,
Крвоступниц круху, неомытую в аде,
Ужли пелятся здесь юродивы одно,
Пред Господень порог не забрести нам, чаде.

Подносили и пить разве мертвой воды,
Разве траченных слез, где эфирные эльфы
Низлетали с Христом до юродной Звезды
И сибиллы агнцов уводили за Дельфы.

Что предъявят еще в середине адниц,
Валуны, вижди, там змей зачервленных кажут,
И царей, и нищих, упдающих ниц,
Подмогильной тесьмой чернокнижники вяжут.

Ах, избыли мы Твой серебряный оклад,
Всё безбожно гурмой за него соглядали,
И воздвигли, смотри, из камней вертоград,
Изо гробных камней, под какими лядали.

Злато-серебро слез расточает псалтирь,
Только нам не слышны и царские пеянья,
Тщетно кличешь, Господь, треба каменных гирь
Не дает бросить вниз колпаки-одеянья.

Пусто, пусто, Господь, пирований тшета
Отвела и невест, в персть ворыты детишки,
Предстоим без венцов, и крестна ж, золота
Наша доля – в смерти хоть приимь кровны лишки.

«Преломятся пустые огни...»

Преломятся пустые огни
И предстанет всетайное явным
Там, где пали с тобою во дни
Покаяний пред миром державным.

Сколь немислим для смертников плен,
Разочтемся со праздной столицей
И ямбической строфики тлен
Изукрасим худою кровичей.

Те огни будут струйно гореть,
Яко воры, архангела встретив,
Не могли мы еще умереть,
Именитства свои не отметив.

Ледяная борейская ночь
По граниту воды уплывает,
Аугуста безродная дочь,
Калипсо наши сны обрывает.

Кто потратил и кровь на письмо —
Строк нетленных не склеит обрывы.
Провиденье попало само
В золоченые гнилью курсивы.

Изреченна фита сих слогов,
Нас от искуса Боже избавит,
И потайные речи врагов
Краской смерти червленной проявит.

«Мы славу небесному пели Царю...»

Мы славу небесному пели Царю,
И Он соклонялся ко нам,
И рек: «Только истинно вам говорю —
Есть вашим черед именам».

Что благовест нищим, одно лишь, цветки
Горчащие твердь не прейдут,
И с нами пеяли хвалу ангелки,
Сих венчики ясные ждут.

Доднесь Вифлеемская эта Звезда
Горит, никого не узнав,
И мертвая всех отражает вода
В цветницах кровавых канав.

«Рассчитавшись последней и страшной ценой...»

Рассчитавшись последней и страшной ценой
За никчемную участь свою,
Мы покинем пределы юдоли земной
И очнемся в желанном раю.

Это рай ли, Господь, это рай ли, тростник
Лишь виется на горних камнях,
Кто и в смерти был весел, томительно сник,
Аще зиждима цветъ во тенях.

И великая слава Твоих не спасла
Рыбарей, сколь пусты невода
И тиара цезарская вновь тяжела,
Пусть хотя б мироточит Звезда.

Только погань во цвили вольготно снует,
Всюду чудища стонут одне,
Злое лихо унывные песни поет,
Всё целуются змеи в огне.

Лишь тогда и не сможем ни слова сказать,
Слезы выльем из веек пустых.
Нас в Отечестве было вольно истязать —
Бойтесь вами прибитых святых.

«Ах, нету ни могилки, ни креста...»

Ах, нету ни могилки, ни креста
У бедного сыночка моего.
В какие-то погиблые места
Сманила злая смертушка его.

Но помни, о тебе не забывал
Юродивый запнувшийся отец,
Слезами изобильно поливал
Волошки и сплетал из них венец.

Вот явится как заспанная мать
В ночнушке подмогильного шитья,
И мертвый станем воздух обнимать,
Вытаскивать сынка из лоскутья.

И жалкой не осталось от меня
Кровинки – исслезилась и она,
И в очи белокровного огня
Плеснула та же Смертушка одна.

А был сынок прекрасен и умен
Да Господь не пустил его к живым.
Возглянешь в небо – протьищи ворон
Галдят по перелетам юровым.

Вдоль пажитей бредет он без пути,
Ручонкой прогоняет черный гнус,
И плачет все, и плачет – и спасти
Не может Михаилку Иисус.

Сыночка осиянные стопы
В ходьбе не приминают васильков.
Кричу, не докричуся из толпы:
«Я много наплету тебе венков.

Умру скорей, чего здесь балевать,
И вместе побредем чрез лепестки —
Со кошиков нецветных раздавать
Волошковые синие венки».

Кора Кладезь бездны

Части света сближая волнами,
Обмелел океан мировой.
Юг и север сошлись перед нами
И свободный разрушился строй.

Золотой треугольник сверкает,
Старый свет, Новый свет – два угла,
А на третьем простор отсекает
Надъяпонского солнца игла.

Откровение нового слога
Суть лепная фита аонид,
И пылит столбовая дорога
Вдоль пустот, за горящий Аид.

Если нет здесь ни звезд, ни закона —
Рухнет крест бестелесный у врат,
Где иные встают геликоны,
Реки праведной крови горят.

Эти реки в кровавых ружницах
Перейти не дано святарям,
Живы розочки на багряницах,
Вспоминаний достанет царям.

Сон златой родоводу навееет
Не безумец, но княжий гонец,
Ночь темна, а еще багровеет
Несоимный алмазный венец.

Ах, Летиция, нас обманули,
Красен смертию всякий обман,
Черным слоги мелком зачеркнули,
Стал багряным стигийский туман.

Истеклись ханукальные свечки,
Изорделась порфирная мгла,
Нам проткнули иглицей сердечки,
Диаментов прочнее игла.

Аще глупость одна безогранна,
Пусть глупцы уповают на сны,
Мак наш мраморный делят, небранна
Будет персть арамейской весны.

Где же, Смерть, мировольное жало,
Где победа твоя и клеймо,
Дали вечности Божье лекало,
Дали ауру мы и письмо.

Зелениями ему не гаситься,
Кущи ль райские явят блажным,
Рая нет – и пойдем голоситься,
Петь бессмертие дивам лепным.

К ложным звездам свой подняли флаг мы,
Кровь свистит на гусином пере.
Это огонь застывающей магмы
Приближается снова к коре.

«В серебре ангелочки начнут голосить...»

В серебре ангелочки начнут голосить,
Переливно вия голоса,
Неубожным и черные снега косить,
И норвежские зрети леса.

Ах, сиянны в пенатах отеческих бра,
Там давидовы звезды свились,
Из червленого их запекли серебра
И геройски от них отrekliсь.

Нет отмщения сим, внове орды торят
Ко порогу святому шляхи,
Паки ль Божии звонницы ношно горят,
Нашей кровью их биты верхи.

«Как ударим в Господний порог...»

Как ударим в Господний порог
Покаянно бескровными лбами —
И позволит вселюбящий Бог
Прогуляться тишком за гробами.

Донести до распятия крест
Не смогли и упали мы, Боже,
Со звездами попутав невест,
Свет очес их во смерти дороже.

Ляжем парно в могильнике лет,
Да заплачут младенцы едва ли,
Проводили не в Божий их свет
И не их мы персты целовали.

Ведь сама залежалась, поди,
Ты под крышкой дощатого гроба,
Видь, чернеет-горит позади
Окаянная жизни утроба.

Хоть ко смерти меня возревнуй —
Я в миру не дождался любви,
А и красил чело поцелуй
Чрез венец только змейками крови.

На твоей орбите

Как два состава в миг крушенья
Слились холодные тела,
Во мрак земного притяженья
Иглою душа твоя вошла.

Но вот междупланетным светом
Теперь огранна ты навек.
Что ж, и забвеньем, и приветом
Быть может счастлив человек.

Когда и раны не удержат,
И листья выются над тобой,
Вдруг различает чувства скрежет
Душа за мертвою резьбой.

А листья эти вырезные,
Идут к оцветникам оне,
Грядут дороги всестранные,
Цветки тлеет начнут в огне.

Дано ль избыть мирские страсти,
Туман вселенский созерцать,
Увы, не в нашей время власти,
Живым в огранниках мерцать.

Почто надеялись на светлы
Ярких шкатулок и ларцов,
Смотри течение злое Леты,
Полны берега ее ловцов.

Одни коней купают красных,
Иных зовет к себе Андрей,
Мгновений истинно прекрасных
Взыскуют парии скорей.

Но темен вечности парадник,
Огней и некому зажечь,
Влачится мимо горький адник,
И нет его, а ядна стечь.

Волхвы невинных обманули,
Где раи светлые искать,
Чертоги вышние минули,
Каких высот еще алкать.

Пылает Божеское лето,
Лится горный лазурит,
Чрез око царское продето
Шелковые нити и горит.

Мы Углич минули во роке,
Не оглянулись на Азов,
Нашли гармонию в пороке
И чернь подъяли от низов.

Ах, нас еще тризнить и видеть
Устанут въяве ангелы,
Блаженных суе ненавидеть,
О тернях бойных мы светлы.

«Образный только свет нас призовет...»

Образный только свет нас призовет.
И звезды воспылают нелюбовью
К свергателям всебожеских высот,
Их выпренному всеу богословью.

Веками ложь не просто отличить
От истины высокой, солидарность
Являя обоюдную, учить
Брались толпу мессия и бездарность,

Сказители тождествовали им,
Но черни с властным родом ненавистен
Певец любой, зиждительствам благим,
Чей умысел открыто бескорыстен,

Один дарован временем удел,
Одни судьбой подобраны вериги,
Из царствований множества и дел
Слагаются магические книги.

Не чаяний приветствует народ
Спасительную требу, но коварства
Всеядного гниющий чаёт плод,
В том прочие мирского государства.

А веры крепость иродам страшна,
Поэтому ль живого страстотерпца
Бытийностью доказана вина,
Векам оставит он лишь пламень сердца.

И ныне, Лукреций, посмотри,
Причастность есть царица доказательств,
Участвовал, тогда не говори
О Бруте и сакральности предательств.

Тем был убит взыскующий Гамлет,
Предательства нашедший и обмана
Мистические связи, тем валет
Снедает дам пикового романа.

Велик изменой черною всегда
Скупой на подаяния властитель,
Величию сопутствует нужда
В свидетельствах и праздный нужен зритель.

Чернь горькая внимает суете,
Скрывающейся ложи и пороку,
Плодя себеподобных в нищете,
К иному не готовая уроку.

Засим отраву красную разлив
По лядвиям чернильниц легковесных,
Выводит время свой императив
Софистики и чаяний словесных.

Они ли стоят червных наших свеч,
За сими вечность патиною тлится,
Мы розовые лилии о плеч
Крушне явим и смысл определится.

Как истинно уродцев обелить,
Одним, скорее, адовым углом
Разметить можно их и разделить,
Чтоб лучше доустрадавался голем.

Бессмертия певец не избежал,
А чашу не восполнил кровотечьем,
Соперствием ее не удержал,
Претлил язык лукавым велеречьем.

Божись теперь, Ирод-золотоуст,
Сверяй труды каратом и отвесом,
Молитвенник бери, елико пуст
Изборник, недочитанный Зевесом.

Неправие свое осознают,
С любовью встречаясь, бесов теми,
Пускай еще летают и пеют,
Хмелятся и юродствуют над всеми.

Почто святые веровали им,
Сердца губили мороком литаний,
Во лжи юдоль, теперь дано другим
Дослушать смутный хор соборований.

Ответствовать за что нам, а беды
Не выместить и там, где блещут нети,
Гнилую кровь, давай, сейчас в сады
Понурые вольем, в деревья эти.

Пусть глухо наливаются они
Смертельной четверговой отравой,
Злочерную листву клеймят огни
Пред падью отраженной и лукавой.

Сама ведь ты судьбы хотела сей,
Глаголы берегла для переписки
С архангелами, вот и лицезрей,
Как ищут Вии нас и Василиски.

Блаженные не ведают о том,
Морочны сколь посмертные лобзанья,
Над басмовым твоим успешным ртом
Не вздох парит, но призрак истязанья.

Нам в гребневой сурьме не возлежать,
Быть может, за распятие мечтами
Позволит Бог, прощаясь, руки сжать
Кровавобелоснежными перстами.

Третий архаический этюд

Во сочельник, Господь, пред святым Рождеством
Не сыскати уже агнцев, битых в колодах,
Запоздали роды с юровым сватовством,
Источился дамаск при успенных иродах.

Снег на бойне ледов да горячны пуха,
И в пустых рукавах розы мы не упрячем,
Нощно все отлетим, скинув бель-вороха,
О любви, Господь, безответно поплачем.

Призовут ли теперь, аще трубы молчат,
Красны скрипки покрав, тати всеу трясутся,
Богородные днесь кровью усны горчат,
Со семейством святым юродные пасутся.

Всё летят ангелки, всё за нами летят,
Чернью крылья их полыхают и златом,
В крушнице толока и агнцов не простят,
Виждь, кадится Звезда на снежке желтоватом.

Накрали мы шаров, серебряных утех,
И цветки воплели вместо тесем в игрушки,
Так у елок одно и поздравили тех,
Тесьмы взяли себе, отдали нам задушки.

Рисовали Тебя разве кровию мы,
Обводили персты, длили нить по окладу,
Чтобы рделся образ, не хватило тесьмы,
Ан и с воинством тьмы тоже не было сладу.

Ах, одна у Тебя, святой Господь, юдоль,
Все не кличешь Ты нас в золотыя чертоги,
И мелки сожимать чадам перстно доколь —
Тлумы в бойном серебре заступают пороги.

Ботанический накат

Горит порталный сад, уже мертвы,
Как ртутные шары, кусты скользят,
И скоро светокопии листвы
Гектографы снегов преобразят.

Не мы ль сюда бежали и светлей
Зеленей сих и не было цветов,
И патиною липовых аллей
Цирцея крыла терние крестов.

Сколь жертвенники неба высоки,
Привратник возлияньями грешил,
Руфий травень дарствовал цветки,
Которые в инферне засушил.

Воочию кто видел рай и ад,
Не вспомнит этой мертвенной слюды,
И тщетно авгурийский вертоград
Хранит еще кровавые следы.

Червонную рубаху день одел
И чернь казнил, сад в корке метастаз
Под бритвой сентября похолодел,
Но рдеют листья в тронном злате ваз.

Нафабранных деревьев частокол
Приблизился, почто они в крови
И средь махровых роз испуг расцвел,
Когда на свете нет иной любви?

Живи, пока с небес не вострубит
Архангел, хмель вдыхай, пока в груди
Есть жженье и благая кровь не спит,
А вечная разлука – впереди.

Пылает ночью огонь, кипит развал
И спелые плоды чернеют днем,
Где сад – во гробе Лазарь – царевал,
Чтоб тризниться, дразня живых огнем.

Стена Фреска

Не аравийская земля
Песчаностенный вал подъемлет,
И не московского Кремля
Громада небу тяжко внемлет.

Стоит осенняя стена
Сплошного солнечного гула,
Еще жужжания полна
Листвы и птичьего разгула.

Молчи, молчи – она горит,
Коробя фрески именные,
Вохру художникам дарит
И прочит рубища иные.

Легко в лимонной этой тьме
Уже навечно затеряться,
Блажить у нищих на уме
И с мертвой краской растворяться.

Лишь ельник шумом гробовым
Жжет коррозионный срез отвала,
И ни листвы, ни птиц над ним,
Но сукровичный взор вандала.

«Нощный огонь во сребристый оклад перейдет...»

Нощный огонь во сребристый оклад перейдет,
Загорится иконная мгла,
И тогда нас Господень архангел найдет —
В каждом тлеет святая игла.

Ах, Господь, ту иглицу мы жизнь берегли
И смарагды таили сии,
Снеговейных елиночек рдятся угли,
Зряше их ангелочки Твои.

Истечет серебристая кровь по листам:
Жить нельзя и нельзя умереть,
И привыкнем к иным благодатным цветам,
Яко иглам гореть и гореть.

«Твои волосы в темном огне...»

Твои волосы в темном огне,
Мрак наполнил и вежды, и стоны.
Не вспомнишь уже обо мне,
Созерцая теперь геликоны.

Рай ли, ад се – неважно, когда
Отзвучали басовые струны
И полны серебром невода,
И всеслезные блещут буруны.

Прожигали мы смерть взаперти,
В кровь одну окунали оловки,
Вот и некуда боле идти,
Где поют неживые соловки.

Падший ангел подаст нам щиты
И музыки в слезах отыграют,
Навсегда, понимаешь ли ты,
Расстаемся – днесь тьмы прогорают.

Если тристии райской избыть
Не велят хоровые камни,
Станем ангелов горше любить,
Нам и мертвым не будет замены.

Ты одежды свои распахнешь,
Кровь одна обнажится под ними,
Божевольных юнид не вернешь
С ангелками еще выписными.

Царство, царство, куда и глядят
Брамин мраморных злые очницы,
За теньями какими следят
Меловые небесные птицы.

То ль Метохии ядна Звезда,
То ль по Косову лихо гуляет,
Мало смерти бывает всегда,
Паки мертвых любовь исцеляет.

Что вечерять, косая, звала,
Хватит мне юродивиц и в келье,
Четвергу твоему похвала,
Векоприсно сotrавное зелье.

Источается яд голубой,
Отхотелось убойной лазори,
Так приял от кровинки рябой
Песнопевец горошины кори.

Каждый мечен, юроды одне,
Вкруг резвятся, образные лики
Выжигают червицей в огне,
Столь жалки мы, сколь были велики.

Пречестные головы свои
На чужбине вотще посложили,
Окаянные те соловьи
Смерть нам трелями наворожили.

«Поелику, Господь, пированье гудит...»

Поелику, Господь, пированье гудит,
На столовом серебре четверги выступают
И за свечкой Твоей князь-диавол следит,
Воском жалуют нас и цветки откупают.

Расписались бы в цветъ, из сордевших ларцов
Лиры взяли свои славить Божии троны,
Так не можем к Тебе приидти без венцов,
Молвить немо, куда подевали короны.

Всяк страшился зеркал, кто задушно умолк
И теперь прележит во кровавой белизне,
И лиется, Господь, разве пурпурный шелк
С наших царственных плеч на юродивой тризне.

«И легко ль перед смертью свои именины...»

И легко ль перед смертью свои именины
Привечать и смотреться во севрские вазы,
Не избыли мы жизни земной половины —
Торопятся кровавы ловцы-богоразы.

Всё глядят из вишневой терничной водицы
Щучьи главы, из них возлетают пичужки,
Все невесты венечно еще белолицы
И у мертвых наперсниц другие подружки.

Были прежде они веселы-беспечальны,
А теперь ото шумных пиров притемнились,
И запасники яств опустели подвальны,
Где убельные царичи девам тризнились.

И плотву человеки давно изловили,
И пичуг извели в теремах благовонных,
И венцы нам невесты любовно совили
Из болотных гадюк да удавок червонных.

Архаические опусы Четвертый фрагмент

Воскресение вновь иль тенета в раю
Человеков держать не умели, так горны,
Святой Господе наш, вступят славу Твою,
Будет смерти косить неудобицы сорны.

Сколько можно идти, не взирая Звезды,
Причаститься уж мы, тризняясь, не успеем,
Хоть воспросим у рыб пити мертвой воды,
Христианскую брешь травной негой овеем.

Разве Твой Иисус, всезакланный агнец,
Коль неможно закрыть сукровичные течи,
Пусть хотя бы в нощи бойный спит первенец,
Шервуд плачет по ком да восковые свечи.

Розенкранц умерщвлен, индо каверы зрит,
Черви белые там, то ль глазницы Голема,
Червны слезы текут и Звезда возгорит,
Вижди в гробе царевн, благо каждая нема.

Иисус для Тебя гробны хлебы таил,
Вин воскресных припас, безвенечный мой брате,
Дабы чрез волошки Ты нектарно испил,
Клеил розный букет ко рождественской вате.

Кличем пташек, Господь, присно шлют изловцов,
На могильщиков днесь голубков променяли,
Только тем не сносить багряничных венцов,
Ах, тяжеле их нет, смертно мы предстояли.

Как вспомянут, Отец, изъявимся в пиру,
Геть трапезные мыть, лихоимные тати,
Нищих чем побирать, и красна ж на миру
Наша черная смерть, неча белью латати.

Не явишься и Ты перебитым птушцам
И, Господе, не дашь опохмельное брашно,
Вот по смерти прими – он поидет к венцам,
Бельный пух во крови, излиенной бесстрашно.

«Травинки горние завянут...»

Травинки горние завянут,
По ним и некому влачиться,
И лики ангельские станут
Чрез кровь и смерть мироточиться.

Се наши горестные персты,
Были музыки – ныне воры,
И рты бескровные отверсты,
И паче ложи уговоры.

Ах, нас, Господь, соклеветали,
Мы от всестолий хлебов крошки
Несли Христу и мечтали
Облечь их в синие волошки.

«Только заповедь молчанья...»

Только заповедь молчанья
Нас от бездн уберегала
В дни разлуки и страданья,
Но об этом ты не знала.

С ангелами преминует
Говорить иль петь в Эдемах,
Где он, где он, рай, мелует
Цветь певец его в поэмах.

Эти млечные гравирь
Могут быть ли меловыми,
Опер мертвые клавиры
Ручейками течь живыми.

Бдят альковин томных стены
Божевольные юниды,
Августейшие картены
Гоев зрят слепые иды.

Заноси, братия, свечки,
Ничего мы не сказали,
Херувимские сердечки
Суе льдом певцов терзали.

Воски, серебром витые,
Мироточье истемняют,
Вьются тени золотые,
Мак на розочки меняют.

Ах, молчал я дольше Бога,
Умер в розовых сиренях,
Фурьи вышнего порога
Тень мою венчают в сенях.

Много ль туром у Пилата,
Копий хватит ли Господних,
Вот вечение и плата,
Дант не знал о преисподних.

Утром нежным и дурманным
С желтым Иродом в подвальниц
Тьму влеклись мы за туманным
Покрывалом царских спальниц.

Несть речений и в трапезных,
Шелком губы отирают
Милоусты, от скабрезных
Шуток десно умирают.

Шелест макового слова
Не сдержав, ты оглянулась,
Тайная сия окова
В прежний круг огня вернулась.

Можешь речь теперь свободно,
Не взирая на запреты,
Там, где вечно полноводно
В крови роз течение Леты.

«Слезами изольется мор-трава...»

Слезами изольется мор-трава,
Пойдем сердечки чермные сбивать,
Пустые заломивши рукава,
Ко Господу их станем воздевать.

И что по убиенным голосить,
Вдоль крестного пути лежат оне,
Хотят живой водицы испросить,
Залити жажду чадную в огне.

Но, Господи, залить ее нельзя,
Неможно человеков обмануть,
И где ж та наднебесная стезя,
С которой мертвых чад не повернуть.

Влачимся мы, изморно колеся,
Собак оголодавших жалчей,
Чрез скудные призорники неся
Беззвездие сиротское лучей.

И встретятся нам ангелы в пути —
Горящие терничные столпы,
И чадам, невоскресшим во плоти,
Омоют преточащие стопы.

Пастель

Египетская цедра над метелью
Сменилась топким цеженным огнем,
И жалованный снег предстал купелью,
И слух потряс Зевес, рассеяв гром.

В цезийское пространство ход отверст,
Искрится фиолетом чермный перст
Антихриста, но вечно существует
В природе роковая правота,
А днесь ее вместилище пустует,
В каноне солнце Божия перста.

Елику смерть о черном балахоне
Куражится, поклоны бьет, вино
Из сребренных куфелей (на агоне
Убийц холодных, прошлое темно

Каких, летучих ангелов отмщенья,
Заказчиков расплаты, иродных
Мелированных ведем, обольщенья
Не ведавших иного и родных

Отцов невинных мальчиков кровавых,
Царевичей всеугличских, царей
Развенчанных в миру и величавых,
Помазанных их дочек, пастырей

Грассирующих преданных урочно,
Без серебра алкавших крови их,
Алмазных донн и панночек, бессрочно
Почивших в Малороссии, благих

Когда-то, ныне желтыми клыками
Украшенных садовников, хламид
Носителей колпачных, брадниками
Крадущихся вампиров, аонид,

Небесной лазуритности лишенных,
Жертв новой гравитации, другой
Колонны адотерпцев оглашенных)
Льет вольготно в скатерть, дорогой

Пейзаж для сердца, из венецианских
Замковых окон видимый, темнит
Личиной злобной, дарует гишпанских

Высоких сапогов короб, теснит

Сама еще белесых наших гостей,
Блондинок, сребровласок, чаровниц,
Но только натуральных, ведем остий
Им кажет черни, сумрак оконниц

Почти и новогодних застилает
Хитонами ли, бязью гробовой,
Молчит, а то собачницею лает,
А то взывает чурно, кто живой

Откликнись, будем пир одесный ладить,
Еще играют Шуберта в саду,
Моцарта явствен шаг, музык усладить
Чарованных готовый, заведу

Сейчас, а снег декабрьский не помеха,
Чем далее, теплей он, милых дев
И друзей честных в царственности меха
Сибирского, пушнины, разглядев

Какую ведьмы в зависти лишь ахнут,
Гагаровой к вишневым деревьям,
Здесь вишенки мороженные чахнут
В корице сахаристой, кружевам

Желточным их пойдут сирени пудры,
Как всякую любовно обернем
Бисквитами и сдобой, были мудры
Евреи местечковые, рискнем

С царишнями к ним соединиться,
На маковые ромбы поглядеть,
Бывает, царским кухарям тризнится
Обилие столешниц этих, бдеть

Сегодня им о яствах непреложно,
Пускай засим рецепт перенесут
В палатницы хоромные, возможно,
Еще царей отравленных спасут,

А смерть, гляди, опять кикимор дутых
Презрев, лиет по скатерти вино
Из битого начиния, согнутых
Юродливо бокалов, решено,

Пируем хоть с мертвыми рядом, сверки
Теперь не нужны, истинно чихнем,

Покажутся тогда из табакерки
Черемницы и черти, сих огнем

Порфиновых свечей осветим, ярка
Заздравная свечельница, когда
От жизни и не видели подарка,
Что ж требовать у смерти, иль сюда

Нелегкая внесла ее, угасло
Сколь денное мерцанье, так одно
Ей в ноздри вклеим розовое масло,
Бойтся роз косая, а вино

Хоть криво, но лиет еще, отравней
Сыскать непросто будет, а куфер,
Хоть бит, как прежде полон, благонравней
Презреть и нам развратных, Агасфер

Теперь сих отравительниц не любит,
Я знаю, много брали на себя,
Шутили не по делу, сам и губит
Пускай адскую челядь, пригубя

Несносное отравленное пойло,
Реку вам, други, ладите балы
Пировные, гостям рогатым стойло
Всегда найдется, царичам столы

Пусть нынче камеристки сервируют,
Смотреть люблю движенья, угодить
Хотят оне успешным и балуют
Живых, кому за кем еще следить

Один сегодня помню, тьмой беленье
Скатерное кривым не очернить,
Мы выстрадали благое томленье,
Бессмертию не стоит временить,

Когда цари пируют вокруг одесно,
Когда живые царичи, а сих
Невесты ожидают, благовестно
Такое пированье, бабарих

Здесь можно смело к чурным приурочить,
Молчание их выдаст, нам пора
Дела вершить земные, не сурочить
Невинно убиенных, за одра

Червницу не зайдем и возалкаем

Суда великоногого, коль яд
Иных берет, черноту отпускаем,
Тлести ей меж эльфинов и наяд,

Одну, пожалуй, косную оставим
Чермам во назидание, перчить
Начнемся белым пересом, заправим
Лукавые мозги, сколь огорчить

Решит смешного рыцаря, сиречить
Возьмет опять привычку, совлекать
Царевн в альковы, стольников увечить,
Иродничать и ёрничать, алкать

Веселия на тризнах цареносных,
На службе у порока зреть святых,
Орать безбожно, фей златоволосных
Лишать воздушных нимбов золотых,

Греми пока, ночное балеванье,
Замковые ансамбли заждались
Музыки и акафистов, блеванье
Кашицей мертвой суе, веселись,

Товарищество славное, Селены
Взывает свет, нести быстрее сюда
Фламандские холсты и гобелены,
Рельефные гравюры, стразы льда

Хрустального, шары чудесных фором,
Серебряные, порфирные в желти,
Витые алебастрами, узором
Диковинным горящие, внести

Быстрее велю и блюда выписные,
Фаянсами разящие гостей,
Алмазовые рюмки, именные
Суповницы из крымских областей,

Орнаментные амфоры, куферы
Красные, изумрудные мелки
Для ангелов, точеные размеры
Отметить возжаляющих, лотки

Со яствием нездешним, на капризы
Рассчитанные, негой кружевной
Богатые кофейники, сервизы
Столовые, молочниц пламенной

Ансамбль еще, пирожницы, свечений
Держатели вальяжные, чайных
Китайских церемоний и печений
Гофрирный антураж, пиноносных

Конфетниц череду, еще креманки
Холенные, цветовья севрских ваз,
Пируем, аще балов самозванки
Зерцальниц не преидут напоказ,

А серебро прейти сим невозможно,
Пусть плачут в стороне, взирая наш
Горовый пир, напудриваясь ложно,
Чтоб время обмануть, резной лаваш

Им снесть, а то для пифий горемычных
Украсть вина куферок, пармезан
Стянуть при верном случае, клубничных
Желе набрать украдкой иль нарзан

Какой хотя кианти на замену,
Иль мусс, иль кухон сливочный, грильяж
Наладить в туссок, вторую смену
Им жариться едино, сей типаж

Знаком балам и нами узнаваем,
А ну, чермы, офорты геть чертить
Куминами и фенхелем, бываем
Нечасто рядом, бойтесь осветить

Чихающие рожицы, берите
Сиреневые пудреницы, тушь,
Паршу невыносную, хоть орите
В себя, покуда краситесь, на чушь

Адскую мы елико не разменны,
Помазание ждет нас и престол,
Как могут бысть куферы мертвопенны,
Пьем здравие, серебро этот стол

Разбойное не может изувечить
Соцветностию мертвой, нам оно
Всегда служило верой, бойтесь речить
Ползвука, если в серебре вино.

«Нам явится Христос невенечный...»

Нам явится Христос невенечный,
Благодарность лияши Кресту,
Всяк теперь и больной, и калечный,
Зреть нельзя этих ран черноту.

Что внимали святые уроки,
Доставали серебро в крови —
Преложились бытийные сроки,
А венчание паче любви.

Не суди нас, Господь, за веночки,
За мерцанье чрез синь багреца,
Раскровавые смерть-василечки
Для Его упасенны венца.

«Вторник, Господе свят, встретить некого нам...»

Вторник, Господе свят, встретить некого нам,
А ведь встретили дев, паче те умолили,
Нежли Сын Твой измолк, их провести к стогнам,
Со каких можно зреть божевольные шпили.

Разве шпили вотще наливались в смерти
Острой чернью с крухой и кровавой терницей,
Дабы бляди могли двоеперстно пройти
Ко Его алтарю и возвиться с зегзицей.

Нет же, нет, чермна персть равнодушна к такой
Белланитной красе, не познавшей любви,
Се преложит Христос, как дадут упокой
Невенечной главе в оберегах из крови.

«Огнь тепличных цветов, сих карминовых залов уют...»

Огнь тепличных цветов, сих карминовых залов уют
Полюбить ты смогла и не знала в безумные годы,
Что гранили валькирии нашей тоски изумруд,
Звезд оправы украсив им и смертоносные оды.

Освященные скорбью, туда полетели они,
Где умеют ценить безупречные эти размеры,
Где величье двоятся и комкают лед простыни
Отраженья, а вечность изящные любит манеры.

Но изящество стоит бессмертия, красным в желти
Золотистой мелком ангелочки увеченных значат,
Красоты не прощают камни, а ты их прости,
Поелику со мной о гербовниках Смерти маячат.

Лебедь, лебедь Стратим, ты куда улетаешь опять,
В небесах догонять нынче светлых цветочников туне,
Сколь двояться преложно и Леты оплаканной вспять
По две те не бегут мировольные волны в июне.

Свечки рано сдвигать, паки рано венцы выносить
Из келейной аромы, серебро, зри, воры считают,
Буде Господа звать и цветки меловые косить
Нам нельзя, пусть сейчас книги жизни царевны листают.

Все оцветники наши, все наши и кельи-гробы,
На армический требник иль мирты волхвы не скупятся,
Мало мирры и ладана станет для вечной алчбы,
Закаждят фимиам аониды, в притворах скопятся.

Пунш, арак голубой, эль манящий, рейнвейна кармен
Щедро льется теперь, богоразы отвержены пьянству,
Весело, весело, и забавили в жизни камен,
И слагали гекзаметры, оды вещая тиранству.

Лишь предательства темного царский не вытерпит зрак,
Были други коварны и немощных суе губили,
Разливайся отравой смертельной холодный арак,
Башни вестно молчат ли, в Царь-колокол терние ль вбили.

Но еще зарыдают палатные фурии и фри,
Хорошо без царей – изливайте иродски слезинки,
Мрамор наших акафистов будут живить словари,
Богоимное Слово немые впитают лозинки.

Это Слово полнощное будет серебро таить,
Всякий новый тезаурус нашим огнем возгорится,
Будут, будут, еще на хормных пирушках делить
Яства, хлебы и вина, а нищим и незачем крыться.

Лишь одна только речь дарованна, сама говори,
Благо молви хотя с отражением в течной лепнине,
Грозно сирины, видишь, летают, ползут в словари
Сов и змей изумрудных кольцовья всеприсно и ныне.

Вероятно, рыдая над титульным желтым листом,
Лепестки роз бордо запоздалой слезой обжигая,
Ты представишь, как ангелы держат зеркало над ртом
У меня и горит в изголовье свеча ледяная.

«Хватит злати пустым очесам...»

Хватит злати пустым очесам,
Соцветенья ночные кружат,
Где темно Циминийским лесам,
Наши белые кости лежат.

Богоразно – полыни алкать,
Запрокинуты лики иль ниц,
Время в царствии мертвых искать
След расписанных в кровь колесниц.

Каждый был и целован, и зван,
Приглашений тех сны тяжелей,
Мироволен всекрытый рыдван,
Днесь и девы под желчью лилей.

Во серебре червленом венки
Перебелят у Смерти снопы,
Горечь слез соберут в туюски
И узрятся чрез пурпур столпы.

Ах, Господь, страстотерпцы молчат,
Разве ангелы знают одни,
По каким целинам расточат
Наших вежд золотые огни.

«Зачем долокопы готовят могилу...»

Зачем долокопы готовят могилу,
Без них я в земельку пуховую лягу.
Возьми, Господ-Бог, покаянную силу
И в душу плесни свою звездную брагу.

Всё роют и роют мне ямину братья,
Всё кличут кормильца вороны с погоста,
И розы лелеют в росе до распятья,
Ан руки прожгла родовая короста.

Скорей истреби мою душу живую,
А если она возжелает скитаться
За гробом, тогда, яко тварь цирковую,
Юлою заставь меня в смерть воплетаться.

Не знали мы здесь на земле, что изгой
Небесные кровушкой плачут и плачут,
И в дикие маки, и в чермны левкой
Стопы исколотые горестно прячут.

Противится тщетно земляца Отчизны,
Пробьют ее глину кривыми ломами
Да справят по всем развеселые тризны,
Престол Твой всесветлый счернивши дымами.

И я принесу Иисусу гостинец,
Так много страдал Он и гвозди поныне
Сидят в Его дланях – вот мальчик-с-мизинец,
Пускай улыбнется распятый Твой Сыне.

Пусть губ Его белых коснется веселье,
С Креста низойдет Он хмельной да не пьяный,
И гроб мой на праздник великий по келье
Закружит, как лист хороводно-багряный.

Четвертый архаический этюд

Вот и грянула Смерть и, Господе, люта ж,
Нету жития в нас, а одно достигает
И премашет косою, и восходит в кураж,
В ношнозвездный Аид царичей низвергает.

Не отпели еще на крестах соловьи,
Наши очи темны да терницей не сбиты,
Что пред нами трясет персты черны свои,
Разлиаши смурод, тащит чадов до свиты.

Трехгрошовых страстей уподобились здесь,
Тетрадрахмы равно отдали пилигримам.
Ах, раек золотой в нитях сиротных весь,
Новый красен был год – так восплачем по зимам.

Пир юрод заказал, на потеху гостей
Призвали, те макать руки в белые хлебы,
Чтоб темнела круха двоеперстных костей,
Дабы Ирод узрел кошель злаченой требы.

Вина льют в рукава, излетают со них
Утопленные в персть огнецветные вишни,
Их собирали ан свар дождалися одних,
Буде чады мертвы, ихне детки всевышни.

Промелькнула в толпе, но тогда не признал,
Юродива одна, вот другая сгубила,
Весело Рождество, сирий тать не шмонал,
А юродная дщерь нимб Твой, Господе, сбила.

Ангелки, ангелки, деревянные ж вы
И наверно и в сне от нея не спасете,
Всеинные глушцы-ангелочки мертвы,
Вот ведь как без рожков агнцев Божьих пасете.

Ни любви алкать, ни взыскати зело
Не придется теперь, источился тот зарев,
В нищетлумных шляхах горемыков светло,
Женихов и невест, в терем въехавших царев.

И родных не позвать – испросити хвалы,
Виждьте, мать-отец, лепоту предеяний,
Вас утешить желал: побирайте столы,
Мы с Христосе несем торбы гробных даяний.

«Как страстная неделя темна...»

Как страстная неделя темна,
Огонек и в четверг не засветит,
Истомила нас кровью она,
И за кровь ли Христос всеответит.

Свечки ясные тихо снесем
Ко застолію тайному внове,
И расскажем Ему обо всем,
Пусть узрит ложеимных во Слове.

Были чаянья наши жалки,
Мы теперь обличающе ницы,
И со крови лиются цветки,
Ими красен лишь пламень седмицы.

«Изъявляется сын чрез томительный мрак...»

Изъявляется сын чрез томительный мрак
И молчит, и сбледневшие усны
Открывает, а молвить не может никак,
Ангелочки всегда неискусны.

Ах, он хочет поведать о бедах своих,
Только лиха довольно и в небе.
Будем жити и кровию жаловать их,
Забывать о вине и о хлебе.

Окропили самих во купельной реке,
Всё глядим, как сыночек играет,
Предержит расписную игрушку в руке,
А другою слезу вытирает.

Отмахнет Михаилка алмазным копьем
Изо смерти и жизнь мы искупим,
И венок со чешуйных ромашек довьём,
И Господний порог переступим.

«Летают Божии голубки...»

Летают Божии голубки,
Их осеним двумя перстами
И мертвых тягостные кубки
Сольем под ровными крестами.

Как нечем с Господом делиться,
И нечем вербницу преславить,
Мы будем тихо веселиться
И во спасение лукавить.

И станут кровию те вина,
О коих ангелы не мнили,
И всякой вербы сердцевина
Завьется пламенем из гнили.

«Много ль трачено слез на последний псалом...»

Много ль трачено слез на последний псалом,
Кровь ушла во письмо и счернились калики,
Только чезнем, Господь, за атласным столом,
Отходную Твои ныне грянут музыки.

Вянут наши цветы, страшно вянут оне,
Белы девы влекут мертвецов ко церкви,
А левконий и роз бутоньерки в огне,
Василечки темней царедворной любви.

Ровно лета горят доле смерти самой,
Всякий точится мир доле житий неправных,
И пришли мы, Господь, каждый с нищей сумой —
Сквозь терницы узри нищевродов потравных.

Ноябрь, 1980 Звезды смерти

Слезы твои не собрать,
Коль цветники оголились,
И перед снегом опять
Раны созвездий открылись.

Северных ветров порыв
Древние высветил выси,
Золотом с чернью налив
Их – как во дни дионисий.

В мороке волковский сад,
Яблоконосные жерди,
Там лишь яснее горят
Звезды невидящей смерти.

Льдом раззолочен покров
Бездн, в коих ты отражалась
И пред зеркалом снегов
Вся, до костей обнажалась.

«Престанут рубища сочиться...»

Престанут рубища сочиться,
Благие голуби взлетят,
И нам положат не влачиться,
И всех именно освятят.

Мир куполам, святится Царство,
Те ж голубицы на вратах
Пеют горькое мытарство
Сих, кто со немостью в устах.

Давно мы наги и разуты,
И слезы наши днесь пьют,
И звонари кровавой смуты
Во колокольный пепел бьют.

«Повенчавшись со мраком пустым...»

Повенчавшись со мраком пустым,
Утолят наши тени печали,
Поелику и старцам святым
На земле ничего не прощали.

Лишь хотели мы август встречать,
Огнецветие яствий несметных,
Всеблагими слезами венчать
Краснолепость ромашек соцветных.

Августовские вина еще
Диамнты прельют суремою,
Пепел звездный блеснет горячо
На графинах с кровавой тесьмою.

Как нельзя мертвых ангелов петь
И живых охранителей славить,
Раньше Господа туне успеть,
Станем рои демонов забавить.

Веселятся пускай их чреды,
Слезы наши алмазные гасят,
Четвергуют до новой среды,
Ржою бойные тернии красят.

Но кремниста и эта стезя,
Тще ли венчики горькие снимут,
Рай узреть мертвородным нельзя,
А убитые света не имут.

Потаенные взоры темны
И торжественны светлые речи.
В нас навечно теперь влюблены
Отлюбившие Бога предтечи.

Осквернит ли реченье монгол,
Возвеличат презренные слоги
Скифы тьмы – поминальный глагол
Будет жечь троекрестье дороги.

В Рим ведут меловые пути,
Желтый Лондон блюдут англосаксы,
Дале некуда мертвым идти,
Всюду рдятся безумные Максы.

А розовие белое где,
Мы неспешно его преминули,
Вифлеемской холодной Звезде
Сколь пылать, ангелочки уснули.

Спят и видят чудесные сны,
Реверансами Бадри встречают,
Се оцветники райской весны
Зрят и демонов смерти не чают.

Только ангелы вспомнят одне
Покаянные тексты молений,
Во слезах отыграют оне
Марш неписанных тех посвящений.

«Изолгались волхвы и не видят Звезду...»

Изолгались волхвы и не видят Звезду,
Ирод-царь серебро по могильникам прячет,
Крови тратней слеза в иудейском роду,
Мертвый волче одно к царичам не доскачет.

Как нас били, Господь, и нельзя рассказать,
Богоматерь в цветках мы тризнили порядно,
Что ж теперь во уста венценосных лобзать,
И пеянье царей на века червоядно.

А венцы и горят, и чернятся Кресты,
Как на пир зазовут – и тогда не склонимся,
Перебили музык, их в серебре персты,
Мы и в смерти, Господь, векоприсно им снимся.

«Иль не Божия днесь лепота...»

Иль не Божия днесь лепота,
Ангелки с неба звезды крадут,
И червонный, и черный цвета
Одинаково мертвым идут.

Так у Смерти украли самой
Кровоточную жало-косу,
Время слезы чернить суремой,
Волошкам расточати красу.

Ах, горят юровые клины
Осиянным цветочным огнем,
И бесхлебные веси красны —
По тернице со них отвернем.

А и сами, Господе, в нощи
Все горим под иродный трезвон,
И Звезды провозвестной лучи
Нам во бельмы лиет Аваддон.

«Как ромашки тяжелые в снег упадут...»

Как ромашки тяжелые в снег упадут
И воспыхнут огнем, и засохнут, совившись,
Мы приидем туда, где теперь нас не ждут,
Удивим ангелочков, нежданно явившись.

Посплетались змеи у нас в волосах
И набились во белые усны крушница,
Ну и что же с того, в юровых небесах
Пусть встречает хоть смерть да зовется сестрица.

Все смеется она, веселится-поет,
Все на острую косу ногой необутой
Наступает, веночек извив, разовьет,
Но следит безотрывно за каждой минутой.

Ангелочки-цветки, не ищите Христа,
Были вы всегда меж умерших своими,
Дайте миг продохнуть близ Распятъя-Креста,
Не напрасно мы вас почитали святыми.

Ах, незванным гостям не дадут ничего,
Да мы сами давно ничего не просили,
Просто все провели до распятъя Его
И остаток времен по ночам голосили.

Не печальтесь, крылатые чада, ужель
Не восплачете вы по юдольным кровинкам,
Нашей мертвою кровью разбавили хмель
Царской водки и слез, припасенных к поминкам.

Те ромашки пошли на венчальны венки,
Посвивалася желть в снеговые колечки,
Изукрасились гнилостно их лепестки
Во исчерную цветь, догорев, яко свечки.

«Любить и мертвые умеют...»

Любить и мертвые умеют,
А их ли славили в миру,
Они по житии немеют,
И каждый – свечка на пиру.

Цвет преглядим и содрогнемся,
Как биты чернью купола,
С распятий истинно вернемся
Чрез ось звериного числа.

Все амалтеи суть овечки,
Годна лишь вера для щитов,
И мы кровями ношно свечки
Востеплим: зрите лжехристов.

«Господь, отслужат литии по нам...»

Господь, отслужат литии по нам
И мертвые предъявимся к Тебе,
Что слезы наши ложным вещунам,
Пируют пусть и хвалятся в алчбе.

Суббота разливает чернь свою
И голуби летят за Ахерон,
Очницами хоть узрим кутию
В червонном серебре Твоих корон.

Тот веровал, кто с башнями звенел,
На царствие мы ждали ангелков,
Кармин излит и пурпур исчернел,
Вся кровь слита во лепие венков.

Событы мы, а демоны терзать
И мертвых не боятся для потех,
И некому двуперстно указать
На столпников замученных Твоих.

«Приумолкнут кукушки в зеленях нагорных...»

Приумолкнут кукушки в зеленях нагорных,
Смерть убельно пожнет свои черные хлеба,
Красовались они меж полосонек сорных,
Возрастали-цвели для сиротской потребности.

Не достало сироткам костяной горбушки,
Им и колоса нет с околдованной бели,
Посокрылися Авели в чермны задушки,
Забрели в цветяные овсы Азазели.

А и было темно от смертливых пеяний,
Свете белый сувоем тогда истончался,
Только Боже не знал, как в тщете вседаяний
Мертвый братец с юродной сестрой распрощался.

Господ-Бог еще узрит замученных чадов,
Премучения наши оплачут сестрицы,
И почтут нас червовые тьмы вертоградов
И вспоют в них во здравие мертвых зегзицы.

«Пойдем на Патриаршие пруды...»

Пойдем на Патриаршие пруды,
Сиреневый там дождь еще не хладен,
Каждят останки пляшущей Звезды
И дьявол темноцарственный безладен.

Пойдем, поидем, друг усненный мой
Иль мертвая подруга, будем вместе
И плакать над точащею сурьмой
В свечельном этом времени и месте.

А был я оглашенным ко святым
Хождениям и внесен в Божий список,
Мак в юности был алым, золотым,
Пускай дарит аромой одалисок.

Фаворским огнем требники горят,
Горят и наши тонкие крушницы,
А мертвых царичей ли укорят,
Глорийные, летите, колесницы.

Что это Новогодье, Рождество
С порфирными шарами, яко будем
Рыдать еще сиротски, о Его
Кресте явимся ль, мороки избудем.

Убойным стал алмазный сей венец,
Но Руфь меня восждет на Патриарших,
Страхну при Божьих пильницах тернец,
Ответствовать черед за братьев старших.

Черед, пора и молвить, и препеть,
В миру любивших нас невест чудесных,
Не тчившихся ни жить и ни успеть,
Взнести до царствий истинно одесных.

Ах, счастье любое от беды
Невежества всегда проистекает,
Пойдем на Патриаршие пруды,
Бессмертие нас горнее алкает.

Не горько царю мертвому вино,
Пьют же вусмерть ангелы блажные,
Оне меня отпустят все равно
Сирени зреть и ели вырезные.

Декабрьская тяжелая игла
И снег, и меловатные сувой
Распишет бойной кровью, тяжела
У вечности иглица, паче хвои.

Не я ль играл с Чумою на пирах,
Не аз ли только вечности и чаял,
Боясь очнуться в снеженьских юрах,
Зане легко уснуть, где мак растаял.

Уснуть и видеть благостные сны,
Отпустят ангелки мя на мгновенья
Сюда, где прегорьки и солоны
Блуждающие звезды вдохновенья.

Вскричу, махну ль приветственно рукой,
Десницею бесперстой, дожидалась
Неясно и откуда, но такой
Руфь помнил я, со мной она скиталась.

С каких неважно темных берегов
Явлюсь, чтоб навсегда уже оставить
Юдоль, которой с кровию слогов
Любви и маков алых не прибавить.

І. ІІ. Пурпур

«Четверг избыл и узы сентября...»

Четверг избыл и узы сентября,
Потир ополоснул от иван-чая
Слезам, ничего не говоря,
Простимся, а пепле губы различая.

Не молви, днесь печали велики,
С бессмертием прощается славянка,
Пииты облачились во портки,
Для ангелов накрыта самобранка.

Нужны ли революции в раю,
И речь о том – бессмысленная треба,
Владимиры в ямбическом строю
Маршируют пред остием Эреба.

С классической привычкою хохмить
Успеем хоть ко вторичной сиесте,
Чтоб мертвые тростинки преломить
Лишь в милом Габриэля сердцу месте.

Где ж царские девишники сейчас,
Кого их юный цвет увеселяет,
Пусть чернит полотенце хлебный Спас,
Мечты в отроков ханука вселяет.

Мы с Анною заглянем в Баллантрэ ль,
Поместия мистический владетель
Нас звал, но сталась цинком акварель,
Без соли и текилы мертв свидетель.

От Радклиф отчужаются писцы,
Магического жертвы реализма,
А десь куда тьмутомные свинцы
И вычурные замки модернизма.

Витий сакраментальные тома
Бравадою пустою обернулись,
Восславил кулинарию Дюма,
Иные царским шелком совернулись.

Какой еще приветствовать роман,
Иль «Норму», иль черево «Амстердама»,

Предательство повсюду и обман,
И gloria – астеническая дама.

Засушен лес норвежский на корню,
Исчах над тронной краскою версалец,
Я в мире, Габриэль, повременю
И спутник будет мне Мельмот-скиталец.

Бог весть куда спешили и, дивись,
Успели на престольные поминки,
И сирины понурые взнеслись,
Рекут о них иные метерлинки.

Еще заплачем зло по временам,
Всемилости не знавшим патриаршей,
В подвалы доносившим разве нам
Златые ноты моцартовских маршей.

Поэтому во плесень погребных
Чернил, блюдя предвечные обряды,
Мы вдалбливали звезд переводных
Столучья и не чтили колоннады.

Они держать устанут потолки
Дворцовые, холодную лепнину,
Со мрамором ломаются в куски
Архангелы, месившие нам глину.

Возведен замок, статью и венцом
Равенствующий Божеским чертогам,
Гарсиа, пред началом и концом
Лукавостью хотя отдарим слога.

Тезаурус наш кровию потек,
Суэто с горней речью возвышаться,
Там ангели уместны, им далек
Тот промысел, какому совершаться.

Геройство бедных рыцарей пьянит,
А песни гасят мрамором очницы,
Бессмертие к сиесте временит,
Несутся мимо славы колесницы.

Летите вкось и дальше, нам пора
Иные внять венцы и обозренье,
Высокая окончилась игра,
Предательство есть плата за даренье.

Веселый этот фокусный обман,

Быть может, близ расплавленных жаровен
В Тартаре наблюдал Аристофан
Печально, ход истории неровен.

И кто открыть потщился: золотой
Навеян князем сон, в кругах вселенной
Нет рая и чистилища, восстой
Пред адами, искатель славы тленной.

Нет счастья, но есть в иных мирах
Покой, небытия бредник садовый,
Заслуживает дичи вертопрах,
Обман ему венчается плодовый.

Ах, стоят света разве ангела,
Судить мы их отважились напрасно,
Вот слушай, литания истекла,
Ан жизни древо тучное прекрасно.

Улыбкой смерть встречают, здесь темно
В саду и Шуберт нем, пора ль уведать
Нам Плюшкина минувшее, вино
Корицею заесть и отобедать.

Чудесное успение – тщета,
Но сраму убиенные не имут,
Зальется кровью сей царь-сирота,
Когда венцы с нас выцветшие снимут.

«Мы хотели во злате одесном...»

Мы хотели во злате одесном
Красоваться и литии петь,
Но темно и в алтаре небесном,
До Христа не пришлось нам успеть.

Ах, высоко молчание это,
И серебром его ль заменить,
Иисуса двуперстие вздето —
Нощным брамникам время звонить.

Кровь слита, а не хватит и крови,
Мы добавим лазурных огней
К терням царствия вечной любви,
Чтоб восплакали днесь и о ней.

Толкование праздника

Растительность меняет ипостась,
И ряженные грубыми руками
Крестьянку украшают, веселясь,
Корой дубовой, листьями с цветами,

И девственница сельская к ручью
Бежит, к благоухающей поляне,
Чтоб песнь могли хвалебную свою
Пропеть живому дереву крестьяне.

Безмолвствуя, на нивах и в садах
Обильный урожай дарят благие
Царицы, отражаются в водах
С кострами рядом девушки нагие.

Всей млечностью сверкают бедра их
Сквозь дымную вечернюю завесу,
Русалки волокут к реке одних
Топить, а мертвых тащит нежить к лесу.

Среди мохнатых рож лесовиков
Взирает божество иль гений дуба
На козни козлоногих мужиков,
Стремящих в поселянок злые губы.

Уж головы, как стонущий цветник,
В крови сухой садовника затылок,
К устам блажным, смеясь, сатир приник
Ртом горьким и похожим на обмылок.

Поверить чувство логикой конца
Нельзя, столь космополис этот узок,
Что кладезь бездны лавром близ лица
Возрос, чуть холодя угольник блузок.

Пугаясь, закрывая темный стыд,
Теперь и не приветствуя поблажки,
Красавицы смущают аонид,
Расплющив белорозовые ляжки.

В овине плодовитым будет скот,
И радовать начнет цветенье риса,
Блеск Троицы венчание влечет
И яблоко горит в руке Париса.

Гори, гори божественным огнем,
Земные освещай юдоли, блага
Сиянность эта праздничная, в нем
Таится наркотическая влага

Сандаловых деревьев, Елион
Дает огню мускус и граната
Подземный аромат, и Аквилон
Сверкает где-то рядом, аромата

Нежнее и желанней вспомнить я
Теперь не стану братья, неги дивной
Забыть нельзя, колодная змея
Иль змей, невинной Еве и наивной

Свой искус предлагающий, они
Лишь жалкого плодоя вбирали
Гнилостную отраву кожей, мни
Себя хоть искусителем, едва ли

Возможно у Гекаты испросить
Нектарное томленье, вина, хлеба
Уже евхористические, пить
Нектар облагороженный из Гебы

Небесных кубков, яствия вкушать,
Преломленные тенями святыми,
Нет, это создается, чтоб решать
Могли певцы с царями золотыми

Вопросы и задачи, для мессий
Оставленные мертвыми богами,
Подвластные не времени, витий
И книжных фарисеев берегами,

Безбрежностью пугавшие, одне
Астарты исчислители иль школы
Какой-то авестийской жрицы, в сне
Пророческом великие глаголы,

Согласные и с кодом, и с ценой
Знамения таинственного, знания
Частичного, увидеть могут, зной
Теперь лиет Зефир, упоминанья

О силах темных я б не допустил
В ином контексте, зная благодатность
Навеяла сие, а Бог простил
Такую очевидную невнятность

Урочного письма, вино горит
Сейчас в любом офорте, в червной фреске,
Господь с учениками говорит,
Я слышу речь Его, на арабеске

Мистической является письма
Лазурного таинство, но шифровый
Еще неясен смысл, а сурема
Кровавая точится, паки новый

Теснят финифтью ангелы завет,
Серебряною патиной обреза
Порфирные уравнивают, свет
Лится Богоданный, паки тезы

Сознание внять младое не спешит,
Окармлинные кровию, но вера
Взрастает и привносится, вершит
Судьбу Христос-мессия, наша эра

Берет начало, ангелы блюдут
Дарованные альфы и омеги,
Апостолы на вечере восждут
Червленого вина и Слова неги,

И вот убойной кровию вино
Становится, а кровь опять лиется
В сосуд подвальный, буде решено,
Так бысть сему, о серебре виется

И царствует пусть Слово, исполать
Предавшему и славившему, вечно
Зиждительство такое, не пылать
И агнцам без реченности, конечно

Служение любое, но Ему
Служить мертвым и нищим положенно,
Елику мало крови, мы письму
Своей добавим, всякое блаженно

Деянье и томленье во Христе,
Нет мертвых и живых, конец началу
Тождествен, а на пурпурном листе
Серебро наше руится, лекалу

Порфиловому равенствует мгла,
Прелитая в тезаурусы, темы
Не ведаем и слава тяжела,

И Господи не скажет ныне, где мы,

Куда глядеть сейчас и на кого,
Ведет к благим ли зеленым дорогам,
Спасет живых ли это баловство,
Зачтется ль откровение, у Бога

Престольниц будем истинно стоять,
Молчанье дорогого наше стоит,
И в мире мы не тцились вопиять,
И там реченье пусть не беспокоит

Спасителя и Сына, велики
Хождения, скупа вершинность цели
Миражной, аще косные жалки,
Так мы сие, но прочие ужели

Честно возвысить ложию хотят
Себя, а руки алчные скрывают,
Вина ли им и хлебов, освятят
Другие кровь четверга, пировают

Другие пусть над хлебом и вином,
Еще я помню праздников томленье
Освеченных, каким волшебным сном
Забиться, чтоб обрящить устремленье

К звездам и небам, истинно молчать,
Не речь опять с бесовскими шутами,
Безмолвствовать, как в церквях кричать
Начнут иродных толпы, и перстами

Ссеребрёнными только на крови
Зиждить хотя и суетные ямбы,
А мало станет Господу любви,
Креста и терний, кровью дифирамбы

Пустые с Ледой вместе отчеркнуть,
Летицией иль Цинтией, невестой
Названной и успенной, окунуть
В бессмертность и финифти за Авестой

Навеки прежелтевшее перо,
Свести багрицей тусклые виньеты
Нисану бросить горнее тавро,
Венчать ему надежней мраком свету,

Чем нам дразнить рождественских гусей
И выпренности тщиться прекословить,

Довольно требы этой, не для сей
Живой и мертвой ратницы лиловить

Разорные муары, а вино,
Дадим еще уроки фарисейству
И скаредности, втуне снесено
В погреб опять и присно, святодействию

Обучены мы небом, геть, чермы,
Коль праздники еще для вас не скрыты,
Нести сюда начинье, от чумы
Беречься чурной будем, лазуриты

Пускай себе мелованно горят,
Звучания и эхо умножают,
Нас ангелы одесные узрят,
Недаром Богоимные стяжают

И глаорию, и лавры, волшебства
Законы им астрийские знакомы,
Облечь языки мертвые, слова
Никчемные в порфиновые громы

И молнии, в тезаурусный чад
Кадящийся они еще сумеют,
Напудрить их слегка и на парад
Небесный ли, гранатовый, сколь млеют

От выпренных созвучий бредники
Аидовские, полные проказы
И жабьих изумрудов, ввесть полки
Ямбические, пурпурные стразы

Прелив на колонтитулы, гуашь
С финифтью вычурною верх линеек
Огранных снарядив, таким не дашь
Забыться меж пульсирующих змеек

Летейских, во серебристых неводах,
Свечном ли обрамлении карминном,
С бессмертием бумага не в ладах,
Но есть иные области, о винном

Церковном аромате будем тлеть
Еще мы неоднократно, вспоминая
Нас пленные не бросят, паки есть
Визитницы иные, где признанья

Теперь и вечно ждут невесты, лад

Оне внимают стройный и высокий,
Алкают не сиреневых рулад,
А песней наших траурных, стоокий

Хромовник не страшит их, не ему
Царевен обучать и мироволить,
Нас девы дожидаются, сему
Вспомниться, духовников неволить

Посмеет разве иродный плакун,
Черемная окарина, гарпия
Тартарская, за праздничный канун
Содвинем кубки разом, Еремия,

Дионис и сиречный Златоуст,
Нам некому сейчас зело перечить,
Сад Капреи отцвел, Елеон пуст,
Архангелы молчат, блажным ли речить,

Когда налились кровью словари,
Немеют посвященные, о чаде
Нечистые слагают попури
Юродствующих, это ль в дивном саде

Останется для праздничных теней,
Мы Ирода еще представим деткам
Успенным и сукровицу сеней
Затеплим винной аурой, серветкам

Кровавым доверяйте, други, то
Серебро, с воском литое по смерти
Из белых наших амфор, их никто
Не выбьет, ни бражники, ни черти.

«Мертвым нечего Богу дарить...»

Мертвым нечего Богу дарить,
Всех венцы неисцветные жалки,
Не могли нас алкеи смирить,
Хоть обрящем чудные фиалки.

Тяжела сих лазурная кровь,
Лишь сотроньте – круги разойдутся,
И Господняя тяжка любовь,
Паки мертвые ношно ведутся.

Мы цветочки Христу поднесем,
Вденем их о решеты бетона,
И венечных еще упасем,
Всяк предстанет во крови бутона.

«Только пурпур любили мы в смуте мирской...»

Только пурпур любили мы в смуте мирской,
Им лишь были до времени живы,
Не собили его ни мечом, ни клюкой,
Днесь во пурпуре наши курсивы.

Но преложно и царствие горних теней,
Расточилось веселие черни,
И теперь ангелки нас влекут меж огней
По, Господе, небесные терни.

Перед Смертию нищи музыки Твое
И страстные дороги в тернице,
За псаломом псалом – истекло житие,
Нет и круга на мертвой водице.

Воспретят горемык на Кресте истязать,
Загорятся нощные церкви,
И тогда разрешат нам глагольно сказать,
Пурпур все и прольем вместо крови.

«Созвездий рассыпаются колье...»

Созвездий рассыпаются колье,
Возложенные августом алмазы
На очи нам – летят в небытие
И злато cedят флоксовые вазы.

А далее гортензии точат,
Сандаловые льются ароматы,
Сынки цезарианские молчат,
Бьют патиною чурные стигматы.

Скорей поидем в августовский сад,
Еще нас ожидают ворогини
И эльфий призрачный свой наряд
Увешивают желтью, как богини.

Что панночки со вишнями во ртах,
Оне ль певцов умерших испугают,
Смотри, смотри: о мраморных вратах
Нам граффити сонорные слагают.

Не могут эти балы, Иоганн,
Сейчас иль вековечно прекратиться,
У Маллера ищи белесых панны,
Вольно им нынче маком золотиться.

А стены, каталонский этот штиль
Фернальные печали навевают,
Что вечностью отнесено в утиль,
Что с временем небрежно порывает.

Одна лишь и сохранна параллель,
Там ангелы темничные струятся,
Над мускусным шелейфом вьется хмель
И карлики бастровые роятся.

Сих вижу: и Расин, и Кальдерон,
И где они оставили Корнеля,
Твердят царевнам спящим, их ли сон
Грознее, нежели изыски Равеля.

Для мертвых танец боя о свечах
Басмовых за стенами не священен,
Лишь замковые люстры в тех очах,
Свет коих меццонитами восценен.

Сколь холоден у вечности коньяк,
Им биты грозди крохкого фаянса,
Вспоем ли – хоть бездонный этот зрак
Слезой увьет соцветенье романа.

И дороги исчадные цветки,
И нет кровавей княжеской слезинки,
Давай о золотые ободки
Гранить две наши мертвые тростинки.

О нежности со мной поговори,
Лицо мое ожги своим дыханьем,
Но все ж на звездный пепел не смотри
Пред этим смертоносным полыханьем.

Ты помнишь хороводов кружева
И травень, и монашек в чернобальном?
А ныне царедворная листва
Горит на мрачном ложе погребальном.

И днесь благоухать не перестал
Сад Господа, как светочей призора,
Нас вынесут еще на пьедестал
Всеславия иль столпного позора.

«От седмицы до черной недели...»

От седмицы до черной недели
Мы Христа не могли пресвятить,
Втуне крови избытки сордели —
Стали ей купола золотить.

Только мало бывает и крови,
Где цветки и терницы сплелись,
Но темно житие без любви,
Мы за это сполна разочлись.

Иисус, Он и мертвых жалеет,
Всё чрез смерть о любви говорит,
И венец Его немощный тлеет:
Это золото наше горит.

Эринии в августовском саду

Август, пленник астрийский, запел
Песнь свою перед мглою.
И колчан, полный огненных стрел,
Взял на хоры с собою.

Ах, Господнее лето цветет,
Дама-глория в цвете,
Разве темный сребрится киот
С образками о лете.

Страшно глянуть и бросить нельзя,
Не избыть, яко вина,
Искривилась земная стезя,
Где ея сердцевина.

Тяжелы эти иглы от роз,
Не иступятся кровью,
Кто отвечивал смерти всерьез,
Поплатился любовью.

А превратной любовь и была
О горенье нелепом,
Видишь, перстень мой держит игла
Диамантовым крепом.

Дале немость и глухость садов,
Раз не сталося брашен
И траурною ятью плодов
Зрелый серпень раскрашен.

Бледный мрак в череновом огне
И цветки засыхают,
Хоть сугатные эльфы одне
Пусть над сими порхают.

Весело им кружиться-летать,
Не услышат литаний,
Глухо кадиши станут читать
С багрецом листований.

И литании тонкий исток
Воспоит Лорелею,
Будет желтию всякий цветок
Бит ли, выкрашен ею.

Нож садовый отбросил я прочь,
Прячась, неосторожно
Куст задел: – Ты умрешь в эту ночь?
– Да, спастись невозможно.

«Высока твердь, но мало света...»

Высока твердь, но мало света,
У врат успешных царствий мгла,
А с кровью Нового Завета
И наша цветность истекла.

Сколь поздно смерти научиться,
Брести за мертвою водой,
В кармины станем облачаться
Пред ясной Божией Звездой.

Нагим и мертвым кров ли нужен,
Всецарский цвет на сих венцах,
Орфей и был со нами дружен,
Лишь он восплачет о певцах.

Второй архаический триптих

I

Даровали, Господь, мертвым чадам Твоим
Тесьмы красной мотки да серебряны сувои,
Боле таинств не ждем, а в рядне предстоим,
Перстов прячем искол за смарагдами хвои.

Серебро, серебро, много ж было его,
Так покрали шары с ёлок жалкие тати,
Снеже черный округ, тлумных звезд святовство,
Царичей неживых весело ль им венчати.

Сестры нас предали в новогодней гурме,
Девы белы влачат по адницам рамена,
Их и лядвий пронять здесь неможно Чуме,
Только розы горят в огне храмного звона.

Мы, Господь, образа неокладные чли,
Азазелей златых во тщете отпускали,
А свилися одно со змеями в угли,
Ах, Твое ангелы нас почто не искали.

Смерть царит на пирах, где юроды поют,
Держим все на замках мы языки предвестны,
Из серебра, Господь, в Рождество и сольют
Закровавленных чад – слезы наши бескрестны.

II

Подаяний, Господь, воздаяний одних
Нищи каистры полны, у порожца их скинем
Со кровавых рамен – много ж горечи в них,
Как святарный притвор благодарственно минем.

Торбам тем не вместить разве перстных иглиц,
О златой мишуре агнцев смерды тащили,
Розы выбила Смерть из точащих петлиц,
Свечки в битом серебре небовеи вощили.

А и сами теперь не царим, не поем,
И влачимся слезно в ризмановых ряднинах,
Буде кельхи дадут, за бытье изопьем,
Нету крыльев – горбы тлеют звездно во спинах.

Страстотерпные с глав посрывали венцы,
Стопы наши язвят черневые колючки,

Белы хлеба несли ко Тебе первенцы,
Обобрали, Господь, голодарные сучки.

Иль приидем в алтарь, ангелочки узрят
Струпья ран да пухи – кликни чад из притвора,
Бойной кровию, виждь, наши лики горят,
Енчит все у колод окаянная свора.

III

Дале немость, Господь, остаемся молчать,
Пресеклись январь и святочные оры,
Вот и губы свела терневая печать,
Наши кельи пусты, чернь лиется в затворы.

Истекли во пирах слезы солью одно,
Упились псари мертворожденных кровью,
Как накинута поверх плащаниц нам рядно,
Положится черта иродов суесловью.

А в миру всяк и был без пурпуры венца,
Сокрывали ж псалмы краснобаи конвертны,
И попросят сказать – не замолвим словца,
Баловство эта речь, от которой мы смертны.

И елико, Господь, чада трачены днесь
Лютой Смертию все, их встречать благодужно,
Нет родни и царевн, только ангелы здесь,
Серебряный потир князем пущен окружно.

И рядились в резье да старизну, хвалы
Воздавали Тебе, бессловесно гибели,
Пусть хотя бы теперь, прескорбя, ангелы
Оселят под Звездой первенцов колыбели.

«Горят ромашки золотые...»

Горят ромашки золотые,
Поидем во поле кричать,
Сколь опоздали к нам святые,
Их сами выйдем привечать.

В уголи-очи глянем ясно,
Хоть слезы горькие язвят,
Ах, как горят цветки всекрасно,
А мертв сегодня, кто лжесвят.

По нам и чайки откричали,
Кромсая пурпур истемна,
И нет светлее той печали,
Где солоней слезы волна.

Где мгла кровавее рассвета
И льются с каждого листа
Лишь крови Нового Завета
В двенадесятые цвета.

«Возбранят как рыдать, побезмолвствуешь всласть...»

Возбранят как рыдать, побезмолвствуешь всласть,
Раз молчанью у смерти училась.
Потому невозможно с коленей упасть —
Соль в послезную кровь проточилась.

Не смотри, истязателей взоры темны,
Вкруг пылают небесные фавны.
Мы распишемся ныне во цвет белизны,
Все мучения наши подавны.

Рои демонов хлеб именитства ядят,
Сомрачались Господние хоры,
На трапезе одне фарисеи галдят,
Чернь серебра лиют в разговоры.

Обойдется ль без пеней грезеток чреда,
Заменят им литаньи нощные,
Пусть горит и горит ледяная Звезда,
Освещаая дороги страстные.

Из перстов только черные вынут мелки,
Восцелуют бескровны ланиты,
Нас в посконном резье и найдут ангелки,
По каким эти слезы излиты.

«Вновь темно, а и мы не горим...»

Вновь темно, а и мы не горим,
И молчат колоколен верхи,
И узревшим пылающий Рим
Очеса закрывают мехи.

Тартарийские нети полны,
Так ворам ли в геенне сгорать,
Весело фаворитам Луны
Убиенных царей обирать.

Тесно вокруг мирового стола,
И юродствуют здесь, и ядят,
Наши образы вечность пречла,
Что хмельные музыки гудят.

Веселятся ль, юродствуют зря,
Им руками светил не достать,
Мы и в мраморной тьме декабря
Будем вечные книги листать.

Ах, виется декабрьский оклад
И картины мирские легки,
Звонари окликают гиад —
Братьям их несплетенны венки.

Концерт в записи Приближение к зеркалу

Весна твоей жизни совпала с весною,
Венцы филармонии Бах осеняет,
И плачут над каждой органной трубою
Заздравные свечи, и воск их не тает.

Над пурпурной тяжестью бархатных кресел
В серебристо-линейном ристалище зала
Горящею радугой реквием взвесил
Электроорган векового накала.

Он помнит величье и свечи иные,
Ручейную сладкую негу вотуне,
Бессмертие любит изыски свечные,
Червовые искусы в черном июне.

Давно извели бедных рыцарей дивы,
Какие спасать их брались всебесстрашно,
Лишь фурии меж нас, а белые Годивы
В альковах вкушают с принцессами брашно.

Дались нам аркадии княжеских спален
Темнее, доныне мы там хороводим,
Невинников легкость дика, вакханален
Их танец, Рудольф, что и девиц изводим.

Коль всех отравили цветками граната,
Еще семенами и зернами, Коре
Вернем эти яства, за фугой соната
Звучит пусть, Алекто ль мила Терпсихоре.

Нам чистые ангелы шлют угощенья,
Нам розы свои ароматы даруют,
Свободней музыки сии обращенья,
Царицы стонежные с нами пируют.

Серебряных эльфам гвоздей яко видеть
Не стоит и маковый рай неохранен,
Закажем убийцам армии ненавидеть,
Равно им терничник нектарный возбранен.

А что воровать друг у друга ауру,
Мы были велики и время лишь наше
Лелеяло пенье и нашу тезуру
Червленою строчкой тянуло по чаше.

Теперь из нее пьют эльфии нектары,
Летят ангелки на мрамор белладонны,
И нимфы златые влекут в будуары
Убитых царей, и алмазятся донны.

Нет маковых раев, а мы и не плачем,
Сон вечности крепок и белых альковниц
Еще мы успеем почтить, и сопрячем
Еще партитуры в прохладе маковниц.

Когда лишь в партере темнеет от света,
Близ фата-морган умиряются чувства,
На пленке миражной в слоях черноцвета
Сияет немая пластина искусства.

«Огни будут ровно клониться...»

Огни будут ровно клониться
И не попадать в зеркала,
И ангелу смерти приснится,
Что вновь ты судьбе солгала.

Клеймя восковую истому,
Червонную метку луча
По контуру выжжет двойному
Рябиновой ночи свеча.

Пробитые белые руки
В крови ниц воздень и молись,
Я знаю, не вынесут муки
Архангелы, павшие в высь.

Мы гвозди расплавим перстами.
И пусть в чернолунной тени
Над гиблыми светят мечтами
Наклонные эти огни.

«А собиты давно и ночные певцы...»

А собиты давно и ночные певцы,
Серебром их горит оперенье, Господе,
Так и мы премолчим, покладая венцы,
Каждый пурпур излил на еловой колоде.

Тяжело ль нас влекли по юдольным стерням,
Василечки-цветки не сминались ногами,
Но вернемся еще к фарисейским огням,
Чтоб и книжников жечь расписными слогами.

Персты наши в терни, деток ироды зрят,
Смерти черную тушь сами уснами ловим,
И не алчем Тебя, и серебром горят
Наши перья, Господь, – ночью как суесловим.

«Прекричат о любви живые...»

Прекричат о любви живые,
Отверзая во черни уста,
Их поныне хвалы даровые,
Не застигнуть рекущим Христа.

Мы и немые одни, буде Слово
Паче немости, лучше молчать,
И не нужно реченья иного,
И алтарникам туне кричать.

В Царстве Божиим крови остались,
Василечков синей прахоря,
Мы сполна за любовь рассчитались —
Пусть Христос не печалится зря.

«Что еще у Царя-сироты испросить...»

Что еще у Царя-сироты испросить,
Всё считает он звезды в узилище тихом.
Разве ангелов смерти нельзя искусить
Ни зарайскою кушей, ни Божеским лихом.

Возлетают и денно, и ночью оне,
Рукавами пустыми с земли им возмашем,
Леденеть пусть испробуют, гнити в огне,
Повлачатся в худом одеянии нашем.

Здравой будь, лихоимная смерть-простота,
Посиди на поминках по Божию Сыне,
И всего мы хотели снять розу с Креста
И цветочек сухой припасти сиротине.

Памятник

Мы храм возводили из глины
И слезы гранили нам речь,
Но все превратила в руины
Осенняя черная течь.

Сиреновой кровью фиалки
Горят на распутье дорог,
Теньями влечет катафалки
Цирцея в загробный чертог.

Мы здесь ожидали извета,
Летали вверх ангелки,
У Господа белого цвета
Просили – светлить потолки.

И вот сей чертог неохранен,
И вот нас камни манят
В лазури, где тенник возбранен
И мертвых пиитов хранят.

Ах, поздно теперь веселиться,
Прельщать небодарственных муз,
Бессмертным не стоит улиться,
Тристийский стопрочен союз.

Но время речи и молчанье
Возвысить до маковниц сех,
Где красное Гебы венчанье
На царствие милует всех.

Тот дом на Щепке иль на Мойке
Иным нотодержцам вспевать,
Тесно в Малороссии тройке,
Тще мрамором смерть лицевать.

Алмазы нам здесь положенны,
Затем царствий маковых строй,
А сказки на крови блаженны,
А сами усладны игрой.

Летят меловые квадриги,
Камен мировольных несут,
Серебра коснутся вериги,
Уснувших царевен спасут.

Высока помазаний треба,
Притроновый чуден удел,
Розарьи и маки для неба
Вноси, кто Христа соглядел.

Покрытые славой, к Отчизне
Спешили мы, словно гонцы,
Так пусть не язвят хоть при жизни
Терновые эти венцы.

Исчезла святая опора,
И вечно все ж в лунном огне
Парить будет пепел собора,
Как памятник нашей весне.

Архаические опусы Пятый фрагмент

Вот суббота когда воспредстала в черни,
Смерть белеет одна вдоль точащих оконниц,
Наши слезы топят и серебро терни,
А излито оно в лед-молчание звонниц.

Се молчанье царям осеняло уста,
До ступниц и костей раздевало царевен,
Чадов усны молчат, аль их доля злата,
Пусть уйдут со церковей те, чей промысел древен.

Ангелы, Господарь, надвигают столы,
Вижди этих балов сапфировую яву,
Как одесно стоим в бельной требе хулы,
Как приносят испить нам лихую отраву.

И Христоса агнцам услышать не дают,
Заглушают Его терневые пеянья,
Буде сами в татьбе пирований вспоют
Юродивы нищи, их отрини даянья.

Много ж стоил, Господь, нереченный завет,
И парнасская персть оказалась манюю,
Полетали птушцы да слетели в несвет,
Их кровавы пуха под гурмой площадною.

И на выях у нас от задушек следы,
И во периях мы, удушаясь, гибеем,
Наши персты в крови – не сыскали Звезды
И попадали ниц, и сукровично блеем.

«Уроним яхонты во снеги...»

Уроним яхонты во снеги,
Лежат пусть дарною тесьмой,
На всех в миру хватило неги,
Все благодарены сумой.

Ах, нам ли сирю веселиться,
Горчить уста свои вином,
Сколь крови боле не прелиться —
Тлести о цвете расписном.

Господь, и боем сладкозвонным
Кровинки эти не затрут,
Мерцаю золотом червонным,
Их ангелочки соберут.

«Во зеркале истаяли темные свечки...»

Во зеркале истаяли темные свечки
И звезда Рождества окунулась в купели,
И волхвы с красной хвой скололи сердечки —
Не за ними ли ангелы ночью летели.

Налетали оне, опереньем играя,
Неумолчное пенье лилося небесно
И юдольное небо светлело от края,
И со мертвых тогда воскресали чудесно.

Обведут сонных чадушек серебром и мелом,
Покладут в изголовие снежны сувой —
Отразится Господь в нашем зеркале белом
Подле кровью Христа изукрашенной хвой.

«А и к Господу мы повлачили́сь напрасно с тобою...»

А и к Господу мы повлачили́сь напрасно с тобою,
В райских селищах нет для умерших целебной травы,
Но архангел зазвал-поманил вопиющей трубою,
Растерявши цветки со венчаной своей головы.

«И почто же пришли, – вопрошает Господь, – коли Сына
Оберечь не сумел, не просите успенной кутьи,
Нет и яств у меня, а забойная есть мешковина,
Так идите назад, выносите распятья свои».

Ни уйти нам нельзя, поелику мертвы плотогоны,
Ни обочь посмотреть, ни еще оглянуться, Отец,
Возлетаем, смотри, мы пред ясные очи Горгоны,
Видишь, змеи сплелись, голубой лобызая венец.

Потому и пришли, что нельзя меж людей оставаться,
Сволокли на кресты распоследних оне горемык,
Под Польшью-звездой напослед им вольно торговаться,
Тех не мучай, кого там огонь всеисчадный проник.

Так и будем стоять, а присадят на ветхи ступени,
Изойдемся в слезах, все и выплачем слезы тогда,
С кровью их изольем, поуткнувшись в Господни колени,
Ах, чернее они и юдольней, чем эта Звезда.

«Убийцам не снесть этих свечек...»

Убийцам не снесть этих свечек,
Оне благовестно красны,
Мерцают огранкой сердечек
И с вервием звезд сплетены.

Теперь не испытывать жажды,
Сколь мертвых криниц расплескать
Нельзя и убить ли нас дважды,
Пойдемся любви алкать.

И вот мы соняли короны,
И вот пред Господом стоим,
И рубища наши червлены —
В них звезды и свечки таим.

«Нас губители во сновиденьях настигнут...»

Нас губители во сновиденьях настигнут,
Мрак предвечный измерит очей глубину,
И тогда побежденным во славу воздвигнут
На крови храм и узрят и нем бездну одну.

Все звучали надрывные речитативы
И литании тяжки гнели алтари.
За торжественность мук и благие порывы
Нас в карьерную цвиль окунули псари.

Восскорби, ибо разве рыдания сохранны
Пред небесной свободой от псовых потрав,
И уже грозные сады бездыханны
И понуры лучи гробовых переправ.

Здесь помимо снегов ничего не заметим,
На державных щитах, в латах смерти – как есть
Ледяными слезами позвездно осветим
Те истлевшие стяги погибших за честь.

Лишь успение неотделимо от славы,
Свято наше исленье, а в царстве теней
Не прожечь и каленою сталью державы
Вежд, налитых понтонною кровью огней.

«Гвоздей не станется кровавых...»

Гвоздей не станется кровавых
И мы двуперстия вознимем,
Нет о помине ясноправых,
А всё цвета благие имем.

Им весело глумиться в тризне,
Царя Христоса лихославить,
Багрец искати на старизне
И тще витийственно лукавить.

Но будет время – приидете
К столам, где ночью пировали,
И те явятся во золоте,
Кого шипами совивали.

«Давай в Его поправим волосах...»

Давай в Его поправим волосах
Терновые колючки и цветки.
Сколь жалки ангелочки в небесах,
Сплетающие кровью лепестки.

Почто Господе гниlostный венок
Надеть на Сына милого велел,
Спаситель на миру был одинок,
Никто Его тогда не пожалел.

Христос, Тебя споили беленой,
А смерть была красна да весела,
За Богом, как за каменной стеной,
Ты цвел, она Тебя и погребла.

И сами здесь давали мы зарок,
Сыночка восхотели отыскать.
Пресекся этой жизни ручеек,
Чего гнилой уж кровушкой плескать.

К прекрасному Христу подойти
Решилась только смертонька одна.
Не мог ей никого Он предпочти,
И свадьба их всеприсная черна.

Но истинно измертвым говорю,
И сам я не дошел до алтарей,
Поднесли иудейскому Царю
Терницу за невенчанных царей.

И был венец безбрачия тяжел
И выплетен из розочек двоим,
И мальчик Иисус тогда пришел
За смертью своей в Ершалаим.

«За то – со тернием ходили...»

За то – со тернием ходили,
Были во муках высоки,
Нас в балахоны обрядили
И шутовские колпаки.

И где серебрянные кольца,
И где нателные кресты,
Молчит серебро колокольца
И мы, как звоны, излиты.

Ах, это вервие сонимут,
Нас и пожалуют одних,
Цветочков мертвые не имут,
А мы воскреснем лишь о них.

Тупик Золотое черногладые

Ростральных колонн, как у Биржи,
Здесь нет и порталы не те,
Что к золоту горнему ближе,
Чем к вежд роковой широте.

Сторонне горит Мариинка,
Плывет Исаакий в огне
Холодном, Большая Ордынка
В готическом рдится окне.

И кто из него Крысолова
Окликнет, кто ангельский хор
Узорчатым тлением Слова
Ожжет, яко бледный фарфор.

Цезурные невские волны
Испариной мертвой взялись,
Альковницы рейнские челны
Топят, сами все извелись.

Ищи гордеца-богомола
В лазури убойной, под ним
Пылает райская фиола,
Ероним сейчас не храним.

А невские злые граниты
Иных фиолетов бегут,
Вздыхают легко меццониты,
Орфеев и львов стерегут.

Лишь только уста открывали
Певцы, от румынских графинь
Парчи их немые скрывали,
Как письма династии Минь.

Винтовые челяди адской
Свинцами витыми грозит,
Се кадиши аднице блядской
Веселье несут и транзит.

Декором серпы повилики
Мерцают на пенной листве,
Когда полумертвые блики
В кровавой плывут мураве.

Углы и квадраты строений;
Из мраморной глуби двора
В смарагдовый обруч растений
Дохнуло, и стало «вчера».

Но формы хранили бывшие
Предметы, и суть не могла
Растечься, разлиться в иные,
Бежавшие тленья тела.

Абсурдные стены и ныне
Стоят в блеске вечных лучей.
Из каменной этой пустыни
Исхода нам нет, Моисей.

Пятый архаический этюд

В эту среду, Господь, мало праздновать нам,
Мало пить на миру и в красе умирати,
Прогуляться ль пойти к шпиленосным стогнам,
Там и звезды ярчей, и приметнее тати.

Что о райских перстях кровослезно жалеть,
Коль не выбрались мы за черту Людогощи,
Буде рок указал, так и будем белеть,
Зрят пускай косари залежалые мощи.

Не могли углядеть, где цветут волошки
В сих гробовых местах, да теперь и неважно,
Отлетали свое птахи с Божьей руки,
В их отбельных пухах Смерти царить куражно.

Зазывал белых дев на крутой бережок
Среброарфный Эол, но его не слышали,
Повлачились оне под князевный рожок
В моротравную твань, где и мы не порхали.

Вновь декабрьский снегарь засыпает круги,
По которым сошли, всё ироды не минут
Кружных бельных стезей, не воротят долги,
Тщетно рыцари те у парадников стынут.

Проминем Рождество, а засим Новый год,
И без нас ангелы восприветствуют святки,
Обереги одно расточил родовод,
Столь мы нищи, Господь, негде ставить и латки.

В снах тризнили златых о других берегах,
Только бреги Твое сокрывают завесы,
Змеев будем кормить и лядати в лугах,
Нас из глины творить станут разве Зевесы.

Пусть хоть зрят на пирах все Твое ангелы
Бойных агнцев тяжких воскресенье из скверны,
Без венцов прележим, не поем и хвалы
И не кличем Тебя вскушать яства кошерны.

Запивают пускай родовые грехи
Ангелочков толпы, промышляя о чуде,
Сколь закланно тяжки агнецов потрохи
Мы легки по быти, источенном во блюде.

«Не отнимут у мертвых цветов...»

Не отнимут у мертвых цветов,
Ледяные сии, ледяные,
А и взяти ли чад от крестов,
Сколь преложны юдоли иные.

Будут эльфы пурпурно летать,
Будут кровию ангелы виты,
Как Господь нас хотел испытать,
Удались на всеславы испытны.

Под мерцанием рдяной Звезды
Мешковины кровавые снимем,
И собились у мертвой воды —
А лилей яснобелых не имем.

Дубль Исчезновение

Возлил он кровь свою в закат,
Но уцелело отражение.
В зеркальном холле автомат
Теней дублирует движение.

А в небесах горящий крест
Все тяжелее нависает,
И чаши млечные Гефест
Огнем холодным обжигает.

О, ледяное пламя дней,
Неспешное течение Леты!
Чем бездны ближе, тем ясней
В них блещут наши силуэты.

И кровью срам не искупить,
С млынами весело сражаться,
Кому из вод летейских пить —
Кому в их нетях отражаться.

Гиады плачут об иных
Единородных младших братьях,
И угли шпилей именных
Кроят узор в их черных платьях.

Не все ль равно, зачем ушли
Мы некогда во мрак смертельный,
Когда любить еще могли
Хотя б за сребреник поддельный.

Неважно, смертью смерть поправ,
Пропавшим не дано вернуться,
Возможно разве с переправ
Загробных молча оглянуться.

Пирамидальные кусты
Плывут в астрале отраженном,
И снег-сырец из темноты
Кропит парадники озоном.

Запомни, Райанон, снега,
Изнанку черную и зимы.
Их равнодушны жемчуга,
А мы тоскою уязвимы.

Любить декабрьский мрамор здесь
Вольно под бременем упадка.
Свою бессолнечную смесь
Всяк выпьет залпом до осадка.

Кипит и пенится она
Слезой яда золотого,
Но кубки допиты до дна
И на устах кровавых – Слово.

Ты дождалась прощальных ласк,
Сквозь огневой вертеп к «Савою»
Прорвался не звонок, а лязг
Чувств, оголенных теплотою.

«Во зеркале, Господь, золотом предстоим...»

Во зеркале, Господь, золотом предстоим,
Во зеркале кроимся из мглы,
Червоимные раны в серебре таим,
Хоть и вретища будут светлы.

Шли ко немощным лицам страстные цвета,
Мы и чтили церковную злать,
Всё хотели серебром завесить Христа,
Всё кричали Ему – исполать.

Лишь спасутся благие Твое ангелки
И багряную тьму обойдут,
Мы вознимем чрез Смерть юровые цветки,
Нас оне так и мертвых найдут.

«На пире смертушка гуляла...»

На пире смертушка гуляла,
Как звали сами – все не шла,
Теперь с косой приковыляла
И на порог наш забрела.

Перстами змеек возвивает,
Из них венец один плетет,
Порожец сирий обивает
И зазывает, и гнетет.

Не оттого ли все страшнее
Чадится Божия Звезда,
И в кельхах смерти пречернее
Точится мертвая вода.

Ах, припасали мы волошки,
Чтоб их на тризну заплести,
Да окаянной хлебной крошки
И не сумели припасти.

Красив отбельный тот веночек,
Идет и Смерти он к лицу,
И кровь течет из наших очек
По червозмейному венцу.

«Как завидим коней под звенящей дугой...»

Как завидим коней под звенящей дугой,
Огнедышащих черных коней –
И поймем, что сегодня Господь всеблагой
Нас венчает на царство теней.

Буераки нагорные полны мокриц,
Мертвых царичей поздно спасать,
Под рогожками днесь укрывают цариц,
Волокут с мешковин воскресать.

И не ссудит Господь серебра на помин,
И вплетут нам любовно в венки
Чермны розы и мертвенно-бледный жасмин
Во кровавом белье ангелки.

«Где пророки в гробах возлежат...»

Где пророки в гробах возлежат,
Черный воздух гранят агасферы,
Замогильные звезды дрожат
Над склепением поруганной веры.

Фарисеи и книжники к нам
Обращают прогнившие взоры,
Словно памятник сим временам,
Безучастно мерцают призоры.

Вот и вышел небесный графит,
Наклонились до смерти курсивы.
Одалиске речет неофит
И подложные слоги красивы.

Под анафемой царский престол,
Изгнан Ирод, не стало Алкея,
Время жечь бессердечьем глагол,
Лицезреть во порфире лакея.

Тем эфирный ниспослан был слог,
Кто в лжепраздности грезил палатной.
Кровью мы написали пролог,
Наша строфика в тяжести латной.

Вин пьянее ямбический строй,
Жгут червонный тезаурус буквы,
Аще умер последний герой,
Бойным хватит морошки иль клюквы.

Их ли участь равно высока,
Александр предпочел легковесность,
А у нас тяжелее строка,
Нежли Богом забытая местность.

Что по времени, други, скорбеть,
Веры нет и живого нет Слова,
Со дворцами невозможно гибеть,
Заждался Петербург крысолова.

Превершили герои давно
Те пути, кои звезды иначат,
Чернозвездное горько вино,
А таким царей ангелы значат.

Стража тьмы, белый выбросив стяг,
Для блудниц, для их лядвий растленных
С мертвецов собирает посаг,
Со усопших и все ж вожделенных.

Всяк теперь возвышает чело,
Всяк скорбит в желтой патине смуты,
Только мы и молчим тяжело,
Ибо смертью гортани проткнуты.

Бледноогненный вечности вал
Рассечет еще слава иная,
Тени тех, кто нас не предавал,
В именную лазурь окуная.

«С белой лилией сумрак мирится...»

С белой лилией сумрак мирится,
Хоть и тяжка незвездная мгла,
Горний свет все равно воцарится,
Осветит все равно купола.

Но иным будут вняты свирели
И молебном отчествуют их,
Хорошо, хорошо мы горели,
До теней расточились благих.

Будут эльфы струиться в зелени,
Во лилейный глядеть оком,
И тогда наши скорбные тени
Просияют кровавым резем.

«Колье тебе дарствовал Бог...»

Колье тебе дарствовал Бог,
То – праведных слез ипостась,
Но ты пред распутием дорог
Его обронила, смеясь.

Вольно ли смеяться, тогда
Как мимо летят ангелки,
Сияла, сияла Звезда,
А ныне темны маяки.

Сколь эта веселость мертва,
Сегодня молчи о венце,
Давно горловые слова
Стлели в кипарисном ларце.

Смарагды претмила зима
И нет украшений иных,
Одно драгоценней чума
Небесная пиров земных.

Уже я помочь не могу
Ничем на закате любви,
Быть может, одну сберегу
Жемчужную нитку в крови.

Поверь, только слезы горят,
Летейские крася брега,
Теперь лишь они золотят
Смертельные наши снега.

Летят ангелы, летят демоны

В сей май пришла вослед пылающей поре
Нагая осень вновь, и то предстало въяве,
Что умертвил Господь навеки в ноябре,
Что гнилью затекло, клубясь в посмертном сплаве.

Безумство – созерцать остудное клеймо
Упадка на церквях и славить ноябрины,
Иосифа читать неровное письмо,
Сколь ястреб не кричит и глухи окарины.

Была ль весенних дней томительная вязь,
Где малый ангелок со рдеющею бритвой,
Ямбически легла антоновская грязь,
Экзархам серебрить купель ее молитвой.

А мы своих молитв не помним, бродники
Летейские чадят и гасят отраженья,
Проемы тяжелы, где топятся венки
И ангелы следят неловкие движенья.

Ах, томных ангелков еще мы укорим,
Не стоят копий тех загубленные чада,
Стравили весело, а десно мы горим
Теперь за серебром порталного фасада.

Антоновки давно украли вещуны,
Кому их поднесут, не мертвым ли царевнам,
Яд более тяжел, когда огни темны
И славские шелка развеяны по Плевнам.

Что русский симфонизм, его терничный мед
Отравы горше злой, архангелы пианство
Приветствуют быстрее, надневский черный лед
Страшнее для певцов, чем Парок ницшеанство.

Гори, пылай, Нева, цикуту изливай,
Рифмованную труть гони по Мойке милой,
Обводный холоди гранитом, даровай
Бессмертие певцам холодности унылой.

Я долго созерцал те волны и гранит,
Печалил ангелков, их лепью умилялся,
Доднесь алмазный взор оцветники темнит,
За коими Христос злотравленным являлся.

Забрали музы тень благую на Фавор,
Терновьем повели строки невыяснимость,
А чем и потянуть бессмертие, камор
Пылающих черед гасить хотя ревнимость.

На золоте зеркал горят останки лип,
Раструбы лиц и чресл и в пролежнях полати,
И, багрие разъяв, зрит цинковый Эдип,
Как мертвый Кадм парит в кругу фиванской знати.

В слепом альянсе зелень с чернью, а меж них
Кирпичные взялись деревья, и блистают
Их красные купы, да в небесех двойных
И ангелы, и демоны летают.

Архаические опусы Шестой фрагмент

Отсиял и погас белый день Рождества,
Не услышит Господь наших слезных пеяний,
Ах, на елях черны возгорят кружева
И летят ангелки жалче гробных ваяний.

Нощно тризниться нам богохвальной гурме,
Индо лживо оне торговали крестами,
И к чему святковать при Царице Чуме,
Прикрывать образа костяными перстами.

Перед Смертию мы только стали жалки,
Паки страшно, Господь, убираться цветочно,
Во пирушках алкать горних струй роднички,
Блудных девок блажить, буде семя порочно.

Проиграны бои, тлеют в святках угли,
Век и нам истлевать да юдольно белети,
Возлюбили Христа, ан засим предали,
А и правда ловцы, яко малые дети.

Тесьмы скрали, в багрец обвели мишуру,
Разве пурпур сопрах, бойной кровию чтобы
Украшать алтари, розно цвесть на юру,
Царствий Божиих зреть и чертоги, и гробы.

Не сложилось бытье, виждь, колоды в пухах,
Ели красили что – вот себя загубили,
И натешились впрок, в потрошных ворохах
Прележим, так одно всех порядно и били.

Тщетно ж выбили чад пред начальной Звездой,
Под ряднами хлусы ныне сраму не имут,
Волочат нас к вирам со успенной водой,
Господь, Господь, серебро наше в смерти поднимут.

«И свечи в патине червонной...»

И свечи в патине червонной,
Сие не кровь ли запеклась
На тьме, к муару благосклонной,
С цветками перстными свилась.

Родят церковные чудовищ,
Вспеют под Божиим лучом,
И мы из утварных гнездовищ
Венец алмазный совлечем.

Алмазу-Слову не превиться,
Установлений и огней
Не внять, и время нам явиться,
Воспыхнуть – здравных свеч красней.

«Как распишемся в смерть и лоскут...»

Как распишемся в смерть и лоскут
Каждый выкрасим ей впервые,
Эльфы светлые нас повлекут
Собирати цветы полевые.

Длится тягостный сон мытарей,
Где юродники звезды гасили,
Иудейских алкали царей
И лужки цветяные косили.

Будет медленный август гореть,
Будут золотом рдеться звоночки,
Не дали без крестов умереть,
Хоть виждите, где ныне сыночки.

Мировольные эти поля,
Наша смерть здесь одна и гуляет,
Лен отцветный темней ковыля,
Вельзевул в души морок вселяет.

Не ошиблись бы эльфы сии,
А с иными дорога немила,
Аще звездной глотнем кутии,
Упасет всех Господняя сила.

Что убийц в балахоны рядить —
Им вовеки теперь не сокрыться.
Белых лбов наших не остудить,
Гнус прогнать не дано исхитриться.

В сраме бровию не повели,
Относили достойно старизну.
Со холстинной сумой и пришли
На свою развеселую тризну.

Под Великдень в тенях расписных
Нас признав, пусть они посмеются,
И от судорог сих ледяных
Взоры Божия кровью нальются.

«Кровью мы истекли, но остались чисты...»

Кровью мы истекли, но остались чисты,
И цари в литаниях зашлись,
Всечервленные гвозди терзают кресты,
С коих мы до Суда не взнеслись.

Всюду черный осинник мерещится нам
И томительно делятся века,
Терновые короны остались лгунам,
Воля царская в смерти жалка.

Все собиты давно, что ж ироды хрипят,
Что младенчиков тризнят в ночи,
И над златом коронным трясутся-не спят,
Кровь лия на косые лучи.

«Во какой же душа пребывала извечной юдоли...»

Во какой же душа пребывала извечной юдоли,
Где скиталась она, яко странница, где обрелась,
Если в чадных огнях не восчувствует дьявольской боли,
За кровавым ребром вопиет, юродиво слезясь.

Либо свет-ангелки завлекали ея христародно
Белы косточки мыть да плести голубые венки,
Либо звали ея, причащались-пытали нещадно
Дьяволиц череды, чье веселие паче тоски.

Забывали почто, а ведь ныне о плачущем Боге
И упомянули вдруг, всеболезно скитаясь в полях.
Василисушка, встань из могилки своей при дороге,
К воскресенью кажи хоть перстами костлявыми шлях.

Поздно слезоньки лить как скитанья блажные прервали —
И положит Господь на чело мне худую ладонь,
Кровью мы упились, во потеху одну раздували
Измогильной своей бездыханностью звездный огонь.

«Да, теперь я свободен, – промолвил Христос...»

Да, теперь я свободен, – промолвил Христос
И сладчайшие усны сомкнулись навеки.
Не успевши слышать последний вопрос,
Волен Он и вокруг мя одни человеки.

Зрели мы, как рожениц срезали плоды
И диавол-исчад ставил бас фарисею,
Как чернили в аду пресвятые лады,
Забивали крушницею рот Моисею.

Не простили и слова нам, Сыне, с Тобой,
Напасли серебра да пустили на гвозди.
Сотрясают дорожия темной божбой
Ан гниют в вертоградах червленые грозди.

Бурлаками прошли мы до врат площадных,
Волочили кресты и садовые святцы,
Упасали в дороге младенцев грудных
Да за ними с удавкой бегли святотатцы.

Что за хищная стая теперь собралась
И толкует превратно высокие речи,
Богоматерь почто от Сынка отреклась,
Чье вино во трапезной алкают предтечи?

Где ж ловцы человеков – гибеют оне,
Объедают венцы их голодные козы.
Ах, Господь, красовался Ты в бледном огне
Как с Христом изливал я кровавые слезы.

«Возложи мне на вежды венки...»

Возложи мне на вежды венки,
Выбрось розы в могильную глину,
От своей желтозвездной тоски
Отдели через смерть сердцевины.

Желть капрейская станет гореть,
Хватит цветности этой с избытком,
Сколь одесным нельзя умереть,
Их упоят лазурным напитком.

И откуда эпистолы шли
Чермным шельмам, лишь Господ ответит,
Мало извергам зреть уголи
От церковных, диавол их метит.

Даже слово одно тяжелей
Молвить было, чем смерти иродской

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.